

9(5)

И86

ГИНДУКУШ

ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА

Б. И. ИСКАНДАРОВ

АКАДЕМИЯ НАУК
ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. А. ДОНИША

Б. И. ИСКАНДАРОВ

Г И Н Д У К У Ш
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

Ответственный редактор
Ю. В. ГАНКОВСКИЙ

Книга посвящена малоисследованной теме. Читатель познакомится с географией, народами, экономикой и историей пригиндукушских княжеств, а также с колонизаторской политикой Великобритании в этих районах.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование посвящено истории пригиндукушских княжеств во второй половине XIX в.

История населения Гиндукуша и пригиндукушских районов вплоть до XIX в. оставалась почти неизученной. Небольшие, экономические и культурно слабо развитые княжества были отделены друг от друга отрогами высочайших гор. Письменных источников, которые позволили бы проследить их историческое развитие на протяжении столетий, почти не сохранилось. Путешествия в горные княжества были сопряжены с большим риском, к тому же и местные феодальные власти старались не допускать посторонних в свои владения. Все это обусловило слабую изученность горного Гиндукуша и его населения. И только отрывочные сведения, собранные учеными, а также гражданскими и военными чиновниками (главным образом англичанами) для практических целей, дают возможность восстановить в общих чертах историю интересующих нас районов в XIX в.

Уже при первом знакомстве с европейской литературой о гиндукушских княжествах можно обнаружить, что интерес к изучению этих владений ясно обозначился после того, как английские колонизаторы, подчинив своему контролю Пенджаб, Синд и Северную Индию, приступили к завоеванию горных северо-западных районов Индийского субконтинента. Внимание к пригиндукушским княжествам усилилось в последней четверти XIX в., в период обострения англо-русских противоречий на Среднем Востоке, когда в результате кризиса англо-русских отношений в 1885 г. возникла серьезная

угроза открытого военного столкновения между Англией и Россией¹.

Однако дело до войны не дошло. 10 сентября 1885 г. между Россией и Англией был подписан протокол, и на его основе в 1887 г. была установлена новая граница от Аму-Дарьи до Персидского Хорасана. Воспользовавшись этим договором, английские колониальные власти попытались полностью покончить с самостоятельностью феодальных владений в Дардистане.

Англия искала предлогов для окончательного захвата пригиндукушских княжеств. Английские колониальные власти широко практиковали подкуп местных князей, а там, где это не удавалось,— прямое насилие. К концу XIX в. англичане укрепили свое господство в рассматриваемых районах. Однако факты свидетельствуют о том, что уже в начале XIX в. в связи с обострением борьбы крупнейших держав за новые рынки британские колонизаторы весьма часто засылали своих агентов в глубь Центральной Азии.

Для написания данной работы автором были использованы нарративные источники на русском и на английском языках. Некоторые материалы были почерпнуты из архивных источников. Основные сведения, касающиеся Гиндукуша, а также северо-западных районов Индии, принадлежат главным образом английским авторам, поскольку эти районы, как отмечено выше, во второй половине XIX в. вошли в сферу интересов британских колониальных властей. Из этих авторов многие были очевидцами происходивших событий, а иногда и их непосредственными участниками. Другие, посетив эти районы, оставили немало интересных работ, хотя и написанных, как правило, с колонизаторских позиций.

Много сведений оставили офицеры англо-индийской армии, командированные в эти районы для сбора материалов главным образом политического характера.

Наиболее значительные источники из опубликованных на английском и других языках, посвященные пригиндукушским княжествам, Афганистану и северо-западным районам Индии, переводились на русский язык. Русская

---

¹ Подробное изложение событий см.: Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века, ч. I, Душанбе, 1962, стр. 259 и сл.

востоковедческая наука, изучая Среднюю Азию, в то же время не упускала из поля зрения и северо-западные районы Индии, историческое развитие которых во многом связано с горными районами Средней Азии.

Автор постарался также учесть всю исследовательскую литературу, посвященную обширному Гиндукушскому региону — его истории, экономике, населению.

Автор отнюдь не претендует на исчерпывающее изложение всех проблем, возникающих при изучении истории гиндукушских княжеств во второй половине XIX в. Научные интересы автора на протяжении многих лет связаны с изучением Памира, историческое же развитие Памира и пригиндукушских районов обнаруживает много общих черт. Это и заставило автора написать настоящий очерк.

В заключение автор считает своим долгом выразить благодарность ученым-востоковедам А. М. Дьякову, Ю. В. Ганковскому, В. А. Лившицу, Б. А. Литвинскому, Е. А. Давидович, С. Ф. Левину за их дружескую помощь и советы при написании и подготовке этой работы.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ КРАЯ

Гиндукуш — одна из высочайших горных систем не только в Азии, но и во всем мире. Он лежит на стыке Памира, Гималаев и Каракорума в пределах Афганистана, СССР и Пакистана. Длина гор — 800 км, ширина — от 50 до 400 км, высота — от 5 до 7 км. Гиндукуш является водоразделом между бассейном р. Инд и бессточной областью Средней Азии.

Хребет Кохи-Баба, входящий в систему Гиндукуша, считается важнейшим орографическим и гидрографическим узлом Афганистана. Его высочайшая точка достигает 5143 м. Отсюда начинаются главные афганские реки: Кабул, Гильменд и Герируд. Короткая перемычка связывает этот узел с западной оконечностью Гиндукуша, который заходит за Кохи-Баба на севере в виде параллельной кулисы.

В орографическом отношении Гиндукуш делится на две равные части: Западный Гиндукуш (ниже 5 тыс. м) и Восточный Гиндукуш (5 тыс.— 7 тыс. м и выше). Близ стыка этих частей поднимается самая высокая вершина всей системы — горный узел Тиричмир (7690 м). От него отходит важнейший северный отрог Гиндукуша Кохилаль (до 5270 м), разделяющий долину р. Кокчи и каньон среднего течения р. Пяндж.

Высокогорные пустыни Восточного Гиндукуша весьма своеобразны по ландшафту и во многом напоминают высокогорные пустыни Восточного Памира и Каракорума.

Южные склоны Западного Гиндукуша, изрезанные притоками рек Кабул и Кунар, образуют горную страну Кафиристан. Вместе с бадахшанскими и кафиристанскими округами Гиндукуш достигает здесь своей наибольшей ширины (400 км).

Высокогорные хребты имеют альпийские зазубренные гребни и ледники. На гребнях Гиндукуша сохранилось много плоских и полого-округлых участков. Склоны Гиндукуша отличаются чрезвычайной крутизной и относительно большими высотами (3 тыс.—4 тыс. м).

Климат Гиндукуша в целом (кроме южных склонов) сух и суров. В высокогорных долинах выпадает всего 50—60 мм осадков в год.

Север и запад Гиндукуша лежат в области западного воздушного потока. Аэрологические наблюдения в соседних районах показывали, что выше 3 тыс. м западные и северо-западные течения в свободной атмосфере преобладают круглый год. Высокие горные хребты как бы «выжимают» осадки даже из сравнительно сухого тропического воздуха и лишают дождей Каракумы.

На северо-западных склонах Гиндукуша по сравнению с его юго-западными склонами увлажнение более сильное. Южные склоны Гиндукуша обильно увлажнены за счет «выжимания» влаги из доходящего до них летнего индийского муссона. Но в восточной части Гиндукуша осадков выпадает очень мало.

Бадахшан и равным образом северные склоны хребта Кохи-Баба и Западного Гиндукуша отличаются от соседних районов более влажным климатом.

Южные склоны Кохи-Баба, часть Западного Гиндукуша, а также и район Средне-Афганских гор имеют более жаркий и сухой климат, чем северные склоны и Бадахшан.

Гиндукуш слагают граниты, гнейсы, мраморы палеозоя, юрские сланцы, меловые и третичные известняки и песчаники. В недрах Гиндукуша находятся залежи полезных ископаемых (каменный уголь, железо, цветные металлы, сера, ляпис-лазурь, графит, асбест и др.).

Для Пригиндукушья в целом характерно множество изолированных горных долин, где чаще всего обитают люди. Рельеф оказывает влияние не только на климат, характер растительности, но и на занятия населения¹. Несмотря на резко выраженный горный рельеф, в Пригиндукушье много плодородных лесистых долин, где поля хорошо орошаются горными реками.

---

¹ М. Питхавалла, Пакистан. Географический очерк, М., 1952, стр. 44, 45.

А. Е. Снесарев, характеризуя природные условия восточной части Гиндукуша, писал, что многочисленные дикие утесы и скалы, через которые приходится путникам совершать свой путь, производят потрясающее впечатление. «Лошадь по этим путям не пройдет. Я шел когда-то этими тропами. Переводчик моего друга из свежего и бодрого человека стал стариком, люди седеют от тревог, начинают бояться пространства»².

Основная часть населения Гиндукуша жила в труднодоступных районах. Часто на протяжении значительной части года люди были изолированы друг от друга. В многочисленные ущелья, где проживала основная масса населения, зачастую трудно было проникнуть из-за множества бушующих рек, берущих свое начало в высокогорных местностях, ледниках и ледяных полях. Русский исследователь П. Е. Панафидин указывал, что «есть долины, выходы из которых открыты для скота и лошадей лишь в течение 2-х месяцев в год, в остальной период дороги закрыты»³.

Английский путешественник Робертсон, посетивший в 1891 г. Кафиристан, отмечал, что жители значительной его части, особенно в зимний период, лишались всякой возможности общаться между собою.

В пригиндукушских районах еще в средние века возникло несколько самостоятельных, подчас очень небольших феодальных государств. По наблюдениям русского ученого М. И. Венюкова, в конце XIX в. они нередко состояли из нескольких деревень. Лишь в отдельных сравнительно широких долинах (Читралской, Канджутской), а также в районах Гилгита и Ясина существовали более обширные княжества.

Границы отдельных феодальных владений определить точно почти невозможно, тем более что они не оставались неизменными, то расширяясь, то сужаясь. В доступных нам источниках имеется более или менее точное описание границ только двух, более крупных пригиндукушских княжеств — Читрала и Канджута. Территория Читрала состоит из спускающихся к югу отрогов Восточного Гин-

---

² А. Е. Снесарев, Афганистан, М., 1921, стр. 36.

³ П. Е. Панафидин, Очерк современного положения пригиндукушских владений Индийской империи и Кафиристана, — «Сборник материалов по Азии», вып. IV, СПб., 1896, стр. 134.

дукуша, между которыми расположены узкие горные долины, прорезанные речками.

Северо-западную границу Читрала составлял Восточный Гиндукуш, за которым лежали Вахан и Бадахшан. На севере отроги хребта Сакызджареб отделяли его от Ясина. На западе Читрал был отделен от Кафиристана несколькими безымянными хребтами. Наконец, на юге Читрал граничил с Баджауром и Сватом.

Читрал издавна делился на две части: верхнюю — Кашкор-бала, куда входила часть долины от северных ее пределов до слияния Мулхо и Ярхуна, и нижнюю, составляющую собственно Читрал.

В Кашкор-бала три главные долины — Мулхо, Турихо и Тирич — были плодородными и густонаселенными. Необработанные участки здесь, как правило, встречались редко, главным образом на пологих склонах холмов⁴.

Земледелие в Читрале страдало от недостатка воды. Многочисленные реки вследствие их глубины и, прежде всего, сильного течения были мало пригодны для орошения посевов. Для сооружения каналов не хватало технических средств, а потому многие годные к обработке площади пустовали и в лучшем случае могли быть использованы лишь как пастбища. Наиболее важное значение в экономике Читрала имела р. Читрал, или Ярхун, берущая свое начало в высокогорных районах, расположенных в северо-восточной части страны.

Границей Канджутского владения (или Хунзы) с севера служил Гиндукуш, отделявший его от Памира, с востока — горный хребет Мустаг-Каракорум, с запада — хребет, отделявший страну от долины р. Ишкуман, или Карумбер, с юга — р. Хунза, отделявшая Канджут от Нагорского княжества.

Среди горных феодальных владений совершенно особняком стоял Кафиристан (получивший позднее название Нуристана), расположенный в основном между Гиндукушем и Кабул-дарьей. В общественном строе жителей Кафиристана вплоть до конца XIX в. преобладали черты, характерные для доклассовых социальных отношений.

Население пригиндукушских владений не представляло собой единого этнического целого.

⁴ Биддольф, Народы, населяющие Гиндукуш, пер. с англ., Асхабад, 1886, стр. 10.

Значительную часть населения составляли небольшие народности, языки которых относятся к семье дардских (кати, вайгали, ашкун, прасун, дамели, пашаи, шумашти, вотапур, гавар, калаша, ховар, или читрала, торвали, шина, пхалура и др.). Основы современной классификации этих языков были заложены Г. А. Грирсоном. Он разделил дардские языки на три группы: 1) кафирскую, куда входят кати (башгали), вайгали, прасун (васинверн, верон), ашкун и подгруппа калаша — пашаи (калаша, гавар-бати, пашаи, тирахи); 2) ховар и 3) собственно дардскую с языками кашмири, шина и кохистани. Новейшие исследователи внесли некоторые коррективы в классификацию Г. А. Грирсона; особенно много сделал в этом направлении известный норвежский лингвист Г. Моргенстьерне.

Наиболее существенная черта дардских языков — некоторое сходство с индоарийскими и иранскими языками. Мнения ученых о степени близости дардских языков к индоарийским и иранским расходятся. Позиции Грирсона и Моргенстьерне в этом отношении также различны (первый подчеркивает большую близость дардских языков к иранским, второй — к индийским)⁵.

В одной из своих работ Г. Моргенстьерне посвятил целый раздел вопросу о дардских и, в частности, кафирских языках. «Некоторые ученые, — пишет Г. Моргенстьерне, — причисляли их к индийским языкам; другие рассматривали их как особую группу, промежуточную между индийскими и иранскими, или же считали их (или некоторые из них) подлинно иранскими»⁶.

Моргенстьерне считает, что «большинство дардских языков не отличается от других какими-либо древними чертами, но они значительно отличаются от соседних иранских диалектов, хотя последние в некоторых случаях и влияли на них». Далее он пишет, что кашмири, шина, ховар, калаша, гавар-бати, пашаи и тирахи «абсолютно и несомненно индийские. Языки кафирской группы — кати, вайгали, ашкун и прасун, в некоторых важных отношениях, занимают позицию, отличную от других

⁵ Краткое изложение этих точек зрения см.: Г. А. Зограф, Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала, М., 1960, стр. 70—71; Д. И. Эдельман, Дардские языки, М., 1965.

⁶ G. Morgenstierne, Report on a Linguistic Mission to Afghanistan, Oslo, 1926, стр. 50.

дардских языков»⁷. Но и кафирские языки в отношении фонетической системы и словарного фонда демонстрируют более тесное родство с индийскими, чем с иранскими языками; другие дардские языки являются своеобразным «мостиком», связывающим кафирские языки с чисто индийскими. «Несомненно, что кафирские языки занимают несколько изолированную позицию: иранские повлияли на них в определенной степени уже в раннее время. Может быть, кафиры пересекли Гиндукуш позже, чем другие индийские племена. Но они жили в тесном контакте с языками северо-западной индийской группы, и кафирские языки сейчас в основном индийские»⁸. Этот вопрос продолжает обсуждаться лингвистами. Недавно В. В. Иванов указал на определенные фонетические соответствия между кафирским и древнеиранским (собственно, древнеперсидским) языками⁹.

В южной части Читрала живет небольшая группа, говорящая на языках пхалура (около тысячи человек) и данели. Эти языки переходные между собственно дардскими и кафирскими. Большинство кафирского населения живет в Афганистане, в Пакистане же насчитывается лишь около 3 тыс. жителей, говорящих на кафирском языке¹⁰.

В этой области проживают и носители иранских языков. Встречаются таджики, а также группы населения, говорящего на различных восточноиранских языках. Прежде всего следует отметить ваханцев — выселенцев из Вахана. Данные об их расселении в изучаемой области суммированы Г. Моргенштерне. Известны их поселения в Читрале, несколько поселений имеются в Ишкуманской долине в Гилгите (по рассказам, сюда ваханцы эмигрировали недавно); в верхней Хунзе, в том числе в Шингшальной долине (в Хунзе ваханцев насчитывалось около 2,5 тыс.)¹¹.

⁷ Там же, стр. 52.

⁸ Там же, стр. 68—69. О кафирских языках см. также: G. Morgenstierne, Report on a Linguistic Mission to North-Western India, Oslo, 1932, стр. 2, 63.

⁹ В. И. Иванов, Проблема языков centum и satem, — «Вопросы языкознания», 1958, № 4, стр. 13—15.

¹⁰ Г. А. Зограф, Языки, стр. 71—72.

¹¹ G. Morgenstierne, Indo-Iranian Frontier Languages, vol II, Oslo, 1938, стр. 434—435. Данные о численности ваханцев,

Ваханский язык с лингвистической точки зрения детально изучен, в нем сохранилось много очень древних черт¹². По словам В. А. Лившица, «наряду с общими для всех памирских языков признаками отдельные языки этой группы по многим фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям значительно отличаются друг от друга. Так, например, с точки зрения исторического развития ваханский язык противостоит всем другим памирским языкам по ряду признаков». Ваханский язык происходит от сакских диалектов¹³.

Следует сказать также о носителях мунджанского языка (около 1500 человек) и близко родственного ему языка йидга (около 1 тыс. человек). Мунджанцы живут в местности Мунджан, в Читрале, по р. Джирм (или Джурм) — притоку р. Кокчи (левый приток Пянджа), а также в боковых долинах¹⁴.

Йидга живут в долине р. Луткух (приток Кунара), к югу от перевала Дора. Согласно некоторым данным, собранным в конце прошлого столетия, йидга отделились от мунджанцев и переселились «семь столетий назад», в результате вторжения в Мунджан войск правителей Бадахшана. По мнению Г. Моргенштерне, эта информация представляется правдивой¹⁵.

Помимо йидга, мунджанский разделяется на несколько говоров, которые могут быть объединены в две группы. Как отмечает тот же Г. Моргенштерне, «несомненно, что мунджанский — йидга в целом тесно связан с памирскими диалектами, хотя в нескольких пунктах он стоит обособленно от них, особенно тесное сходство у

приведенные в книге: И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960, стр. 338, неточны, ибо в число ваханцев Хунзы он включил и ваханцев Ишкумана.

¹² С. И. Климчицкий, Ваханские тексты, — «Труды Таджикской базы АН СССР», т. III, М.—Л., 1936; G. Morgenstierne, Indo-Iranian Frontier Languages, стр. 431—562; В. С. Соколова, Памирские языки, — в кн.: «Очерки по фонетике иранских языков», М., 1959.

¹³ В. А. Лившиц, Иранские языки народов Средней Азии, — в кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962, стр. 153—154, 157.

¹⁴ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, Земледельческий Афганистан, — в кн.: Н. И. Вавилов, Избранные труды, т. I, М.—Л., 1959, стр. 124—127.

¹⁵ G. Morgenstierne, Indo-Iranian Frontier Languages, стр. 15—16.

него с ишкашимским»¹⁶. Кроме того, отмечаются большие связи мунджанского языка с языком пушту (афганским)¹⁷.

В южных районах сохранилось население, говорившее на индоарийских (индийских) языках. Так, в Тангире и Дареле проживали гуджары (или гуджоры), язык которых близок к языку раджастан, распространенному в Центральной Индии.

И наконец, территорию княжеств Хунза и Нагор и некоторые близлежащие районы занимала небольшая народность буришки (ишкуны, йешкуны, вершики, или хунзахуты). По мнению некоторых исследователей, буришки являются потомками древнейшего доиндоевропейского населения этого региона¹⁸.

Язык буришков занимает совершенно изолированное положение. Буришский (вершицкий, или ишкунский) язык, по-видимому, распадается на два диалекта — буришский и вершицкий¹⁹. Этнические границы этой народности значительно шире языковых²⁰. Причина этого, по мнению исследователей, такова: когда шины захватили эту область, они подчинили себе ишкунов, и последние приняли язык шины, но сохранили свое племенное название²¹. Ишкуны живут в Хунзе, Нагоре, в долине Вершигум (между Ясином и перевалом Даркот) и других местах. У. А. Рустамов относит ишкунов к дардским народностям²². Однако это неверно, ибо ишкунский язык не имеет ничего общего с дардскими языками. Как отмечает К. Йеттмар, буришский язык «не связан ни с одним из окружающих индоиранских, тюрк-

¹⁶ Там же, стр. 24.

¹⁷ И. И. Зарубин, К характеристике мунджанского языка (из материалов по иранской диалектологии), — «Иран», т. I, Л., 1927, стр. 127; G. Morgenstierne, Indo-Iranian Frontier Languages, стр. 25—26.

¹⁸ Подробнее см.: Ю. В. Ганковский, Народы Пакистана. Основные этапы этнической истории, М., 1964, стр. 42—44.

¹⁹ И. И. Зарубин, Вершицкое наречие канджутского языка, — «Записки коллегии востоковедов», т. II, вып. 2, Л., 1927, стр. 279—280.

²⁰ Там же, стр. 280.

²¹ K. Jettmar, Ethnological Research in Dardistan 1958, — «Proceedings of the American Philosophical Society», 1961, vol. 105, № 1, стр. 81.

²² У. А. Рустамов, Современный Кашмир. Очерки истории, экономики и культуры, Ташкент, 1960, стр. 51.

ских или тибетских языков»²³. При современном уровне развития науки буришский язык пока не поддается классификации.

Следует особо сказать о языке жителей Балтистана. Общее число их, по данным 1941 г., превышало 180 тыс. человек. Они говорят на тибетских диалектах, которые, по классификации Ю. Н. Рериха, входят в группу западнотибетских наречий²⁴. Считается, что «эти диалекты проникли сюда из-за Гималаев в сравнительно недавнюю эпоху и еще сохраняют тесную близость с тибетским языком»²⁵.

Долины горных рек пригиндукушского района были достаточно благоприятны для существования человека. Поэтому «следует признать весьма вероятным, что страна эта была обитаема с глубочайшей древности»²⁶. Н. А. Аристов подчеркивал, что горная природа во многом облегчала населению самозащиту и обеспечивала ему возможность сохранения независимости или по крайней мере этнической обособленности. Можно поэтому считать, что население, занимающее наиболее труднодоступные районы в бассейне Гилгита и в верхней части долины Инда, а также в Кафиристане, является потомками древних аборигенов, которые, несмотря на смешение с другими народами, сохранили не только антропологические различия, но и особый культурный облик, а иногда и язык, существенно отличающийся от языков окружающих народностей. Дореволюционные исследователи делили все население на три группы. К первой они относили жителей высокогорных районов — гальча, которых считали аборигенами.

Ко второй группе дореволюционные исследователи относили хо и сияхпушей (называемых в литературе также читральцы и кафиры). При этом как хо, так и сияхпуши, по их предположению, являлись потомками

---

²³ K Jettmar, The Cultural History of History of North-West Pakistan, — «Year Book of the American Philosophical Society», 1960, стр. 494.

²⁴ Г. А. Зограф, Языки..., стр. 102; Ю. Н. Рерих, Тибетский язык, М., 1961, стр. 21—22.

²⁵ Г. А. Зограф, Языки..., стр. 102

²⁶ Н. А. Аристов, Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям, — «Журнал русской антропологии», 1902, кн. IX, № 2, стр. 68.

тех поселенцев, которые, перейдя Восточный Гиндукуш и уничтожив или вытеснив коренных жителей, заняли их места, включая Кафиристан с долинами Восточного Афганистана, а также Читрал.

К третьей группе были отнесены шины, которые в весьма далекие времена продвинулись сюда с юга, образовав собственное государство на южных склонах Восточного Гиндукуша²⁷. Существует предположение, что движение индийских племен в северные районы, в частности в Пригиндукушье, происходило начиная с IX в. Как подчеркивал майор Биддолф, «Кухистан долины Инда называется местными жителями Шинкары, т. е. страна шинов; он заселен остатками различных племен, по-видимому, одной и той же расы, прародители которых некогда занимали долины, прилегающие к Пенджабу»²⁸. В пользу теории индийского происхождения шинов говорят сохранившиеся у них остатки религиозных представлений, характерных для индуизма. Так, хотя все шины — мусульмане, они считают корову священным животным. Поэтому они не жгут коровьего помета и не пьют коровьего молока. (Следует заметить, что следы культа священной коровы сохранились также у жителей Нагора, Гилгита и Астора.) Некоторые данные подтверждают, что шины, продвигаясь вперед, постепенно вытесняли коренных жителей (в частности, буришков, или ишкунов). Однако часть шинов подвергалась ассимиляции: они принимали обычаи, нравы и язык коренных жителей. В рассматриваемый период шины по отношению к коренному населению составляли в Гилгите 35%, в Нагоре — 20, в Хунзе — 5%²⁹. Шины, по мнению В. Томашека, попали в места, ныне ими занимаемые, с юга, двигаясь вверх по Инду.

Есть основания полагать, что верхняя часть долины Лутхо заселялась людьми, которые, по преданиям, пришли сюда из Мунджана. Хотя заселение края мунджанцами относится к далекому прошлому, тем не менее они в отличие от таджикских групп населения сумели сохранить свой язык.

²⁷ А. Е. Снесарев, Северо-индийский театр (военно-географический очерк), ч. I, Ташкент, 1903, стр. 29.

²⁸ Биддолф, Народы, населяющие Гиндукуш, стр. 11.

²⁹ У. Рустамов, Пригиндукушские княжества, Ташкент, 1959, стр. 9.

К территории пригиндукушских княжеств, расположенных в горных долинах, часто прилагался термин Дардистан, т. е. «страна дардов». Кашмирцы обычно называли Дардистаном страну, лежащую к северо-западу от Кашмира.

В наше время дардами называют большую группу народностей, расселенных на обширной территории Северо-Восточного Афганистана, северной части Западного Пакистана и северо-западной — горной — части Индии. Помимо общности происхождения и определенных общих черт в материальной и духовной культуре основанием для выделения этих народностей в особую замкнутую группу послужило то обстоятельство, что языки, на которых они говорят, составляют особую семью (или ветвь) языков, занимающую, как об этом было сказано выше, промежуточное положение между индийскими (индоарийскими) и иранскими языками.

Формирование дардских народов в горных и предгорных районах, лежащих на запад и северо-запад от бассейна Инда, относится к периоду ранее середины I в. до н. э. О дардах сохранились упоминания у многих античных авторов, начиная с Геродота; имеются сведения о них и в древнейших индийских источниках. По-видимому, еще в начале нашей эры дарды занимали не только ту территорию, где они живут сейчас, но и многие районы по обоим берегам Инда на юг, вплоть до границ Синда³⁰. В начале XX в. А. Е. Снесарев (основываясь главным образом на английских данных) считал, что Дардистан включает Читрал, Ясин, Пуниал, долину Гилгита, Хунза и Нагор, долину Астара, Инда от Бунджи до Батера, Кухистан-и-малозан, т. е. верховья долины Панджкоры и Кухистан Свата³¹.

Первый обратил внимание на дардов Муркрофт. В 1835 г. Вин, посетивший Кашмир и Балтистан, пытался проникнуть в Гилгит. Позднее о дардах собрал некоторые сведения Кеннингем. В 1847 г. в Гилгит для исследования северо-западной границы Кашмира были отправлены два офицера английской армии, Юнг и Ванс Аньо. В начале второй половины XIX в. Гилгит

---

³⁰ Подробнее см.: Ю. В. Ганковский, Народы Пакистана, стр. 58, сл.

³¹ А. Е. Снесарев, Северо-индийский театр..., ч. I, стр. 2.

посетил доктор Лейтнер, который собрал сравнительно достоверный материал о Дардистане. Лейтнер подразумевал под Дардистаном территорию между Кабулом, Кашмиром и Бадахшаном³². Однако он, по-видимому, ошибочно дал «общее имя Дардистана стране, населенной несколькими народами, говорящими на разных языках и весьма существенно друг от друга отличающимися»³³. Действительно, Лейтнер употреблял слова «дард» и «Дардистан» в весьма широком смысле, относя к Дардистану все районы, расположенные между Гиндукушем и областью Хазара. Между тем все племена здесь не имели общего наименования. Как и в других местах, изолированных от культурных очагов, жители каждой долины назывались по-разному.

По сообщению полковника английской службы Танера, путешествовавшего по Гиндукушу, некоторые жители Дардистана считали, что они происходят из мифической местности Дарада, откуда якобы они и переселились в эти высокогорные районы. Многие дардские народности (например, шины) считали своей прародной гору Дар. По мнению Танера, шины некогда составляли основную часть племен дардской группы³⁴.

Народы Пригиндукушья, как и Припамирья, исповедовали ислам. Основная масса жителей Гиндукуша, в том числе северной части современного Афганистана, считала себя ортодоксальными суннитами. Другая группа жителей Гиндукуша была шиитами, и, наконец, часть населения как западной части Памира, так и Гиндукуша была исмаилитами. Особенно много было исмаилитов в Читрале, Зебаке, Мунджане, Шугнани, Рушане, Вахане, Ишкашиме. Эта секта, по данным дореволюционных исследователей, помимо западных областей Памира, распространила свое влияние почти на все районы Дардистана. Местные исмаилитские пиры и халифа собирали с населения налог — зякет — и каждую осень отправляли его духовному главе исмаилитов Агахану, резиденция которого находилась в Бомбее.

³² Там же.

³³ Центральный Государственный военно-исторический архив, ф. Военно-ученый архив, оп. II, д. 86, л. 13 (далее — ЦГВИА).

³⁴ Танер, Заметки о чугани и соседних племенах Кафиристана, — «Сборник материалов по Азии», вып. XXXIX, СПб., 1888, стр. 23—24.

Начало распространения ислама в припамирских странах относится к IX—X вв., в пригиндукушских владениях — к XIV в. Население же Кафиристана было обращено в ислам только в конце XIX в. Распространение ислама сопровождалось жестокой борьбой с «идолопоклонниками» и индуистами. Превращение ислама в господствующую религию районов Гиндукуша потребовало нескольких столетий, причем в отдельных областях следы прежних, языческих верований сохраняются и до наших дней (например, среди шинов, а также жителей Кафиристана, который после обращения его населения в ислам получил название Нуристан).

В рассматриваемый период среди жителей пригиндукушских княжеств, а также среди населения соседних районов широкой популярностью пользовались также различные культы «святых».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

На территории Пригиндукушья издавна наиболее сильным из местных феодальных владений был Читрал. Он занимал значительную часть территории долин р. Ярхуна (Читрала) и его правых притоков. Площадь княжества составляла около 11 тыс. кв. км. Столицей Читрала был Кашкор, состоявший из шести деревень, расположенных по берегам р. Читрал. Они соединялись между собою деревянным мостом, на обоих концах которого были построены каменные башни для защиты столицы от иноземного нападения.

Территория Читрала весьма гориста. В отличие от соседних, прежде всего припамирских, стран здесь горы, как правило, были покрыты густыми хвойными лесами, которые служили дополнительным источником доходов для местных владельцев¹.

Плодородные долины были невелики и занимали незначительную часть площади страны². Поэтому многолюдные селения были расположены главным образом по склонам гор. И хотя земли, годной к обработке, было немного, тщательный уход за ней и ее орошение обеспечивали хороший урожай.

Главную часть населения Читрала составляли упоминавшиеся выше хо, которые говорили на языке ховар; по преданию, они пришли в Читрал с севера через перевалы Гиндукуша. В отличие от многих других районов Гиндукуша, где население делилось на определенные социальные группы, несколько напоминавшие касты, в Читрале такое деление отсутствовало. Это обстоятельство дает основание полагать, что население Чит-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. II, д. 86, л. 15.

² Сборник материалов по Азии, вып. LXIX, СПб., 1896, стр. 140—141.

рала не индийского происхождения, хотя и заняло Гиндукуш еще в незапамятные времена.

Второе место после хо здесь занимало в основном население таджикского происхождения, пришедшее сюда главным образом из Вахана и Бадахшана, частично из других районов современного Северного Афганистана. Некоторые представители этой группы считали своей родиной Хорасан (такое мнение весьма распространено среди жителей и других горных районов, исповедовавших ислам). Эти пришельцы очень быстро стали осваивать новые районы и постепенно смешались с основной частью населения Читрала.

Наиболее привилегированными группами в стране были шах-сангалли и рано. В Читрале «высший привилегированный класс разделен на кланы, подобные афганским хелам... Первые по положению — шангаллие, резае, магомет-беги и хуш-амеде, происходящие от общего предка катуре и хушвакте. Они вообще известны под названием шах-сангаллие; за ними следует зундре, или рано... за зундре следует обширный класс, называемый ошимадеки». Последние составляли податное сословие и «обеспечивали всем необходимым представителей господствующих классов»³.

О происхождении рано сохранились предания, что они потомки трех братьев, родом из Баждаура. Одно из преданий гласит, что рано — потомки основателя шиизма Али, имя которого весьма популярно среди населения горных районов.

Среди рано, несомненно, были также потомки семейств из Бадахшана, прибывших в конце XVI в. в Читрал вместе с основателем «последней, ныне правящей династии»⁴, которая ведет свое происхождение от Баба Айюба, внука Тимура. К числу пришельцев, занявших долину Читрала, Биддолф относил такие группы, как «ошимадеки, шигние и каше», которые, по его предположению, в прошлом жили в горных районах Бадахшана, очевидно в западных районах современного Памира.

Говоря о заселении Читрала горными таджиками,

³ Биддолф, Народы, населяющие Гиндукуш, стр. 83.

⁴ А Дюранд, Созидание границы (Северная Индия), СПб., 1905, стр. 81.

Биддолф в свое время писал: «Ошимадеки, шигние и каше считали себя пришельцами из Шугнана и Каша (Киши), деревни близ Джарма в Бадахшане. Имена многих других указывают на происхождение от известных личностей, и весьма вероятно, они потомки таджиков из Бадахшана, поселившихся в Читрале во время правления нынешней династии, около начала XVII столетия, основателя которой они, вероятно, сопровождали и поддерживали. Их настоящее положение, впрочем, не создано завоеваниями, а, как кажется, они постепенно разрослись в обширный привилегированный класс. Они говорят на ховарском языке и образовали наиболее воинственную часть населения»⁵.

Заселение Читрала пришельцами имело место в разное время и в силу разных экономических и политических причин; нередко внутренние раздоры и нападения извне вынуждали целые группы населения покидать насиженные места и искать убежища в горных долинах Читрала. Однако следует подчеркнуть, что в общей сложности таджики, сияхпуши и пуштуны (патаны, афганцы) составляли небольшой процент по отношению к общей численности населения княжества Читрал⁶.

Жители Читрала, как и многих других феодальных владений высокогорных районов, не имели письменности для фиксации местных языков (в том числе ховарского). Не имели читральцы поэтому и письменных исторических хроник. К моменту завоевания Читрала англичанами здесь насчитывалось очень немного людей, которые умели читать и писать на фарси. Даже мехтары (правители) большей частью были неграмотными.

Как и в других феодальных и полуфеодальных владениях, здесь очень часто происходили междоусобицы. Однако эти события почти не нашли отражения в пись-

⁵ Биддолф, Народы, населяющие Гиндукуш, стр. 84.

⁶ У. Рустамов, Пригиндукушские княжества, стр. 12. Население Читрала в общей сложности составляло, вероятно, около 100 тыс. человек. Данные источников весьма различны: по Робертсону — 100 тыс. человек. Туркестанским военным округом в 1911 г. оно определялось в 50 тыс. человек. По данным А. Снесарева, число дворов в подчинении читральского мехтара превышало 12 тыс.

Такая разногласия в определении численности населения объясняется отсутствием переписей населения в XIX в. По данным переписи 1941 г., в Читрале проживало 105,7 тыс. человек

менной литературе. Сведения о них сохранились главным образом в памяти старожиллов. Известны также имена мехтаров, но только последних поколений династии. Самыми знаменитыми из них были: Катур, который, по преданию, сумел удержать за собой власть в Читрале, и его сводный брат Хушвакт, правитель Мастуджа. (От них фактически и вели свою родословную правители Читрала, а также и Ясина.) Вся горная страна между Кафиристаном и Гилгитом была поделена между этими двумя правителями. «Восточная часть, правитель которой был наиболее беспокойным соседом Кашмира, принадлежала Хушвакту, западная часть была в руках Катюра. Эти два правителя очень враждовали, несмотря на то что были связаны родством»⁷. Многочисленные предания дают основания полагать, что между представителями правящих династий весьма часто происходили кровавые столкновения. Несмотря на то что все эти мелкие владетели чаще всего были родственниками и братьями мехтара и в конечном счете подчинялись его власти, они нередко затевали ссоры с центральной властью, что сказывалось самым отрицательным образом на общем положении страны.

Усиление Читрала относится ко второй половине XIX в. К этому времени во главе его стоял Аман ул-мульк. Имя этого человека было широко известно не только в пригиндукушских, но и в припамирских областях. В Читрале его именовали не иначе как «великий мехтар». По характеристике А. Снесарева и Г. Робертсона, Аман ул-мульк был весьма способным и ученым человеком, хотя ради личной наживы он нередко прибегал к обману и коварству⁸. По словам А. Дюранда, «мехтар правил своей страной с железной плетью в руках, и никто не дерзал ослушиваться его повелений. Но его власть была непопулярной... даже более чем непопулярной»⁹.

Аман ул-мульк вступил на престол в 1859 г. и правил до 1892 г. До прихода к власти Аман ул-мулька Читрал был разделен между наследниками Катюра и Хушвакта на большое число мелких и мельчайших фео-

⁷ G. Robertson, Chitral. The Story of Minor Siege, London, 1899, стр. 23.

⁸ Там же, стр. 22.

⁹ А. Дюранд, Созидание границы..., стр. 67—68.

дальних владений. Аман ул-мульк сумел все их подчинить своей власти. К концу своей жизни он господствовал над обширной территорией, которая на севере доходила до Гиндукуша, на востоке — до Гилгита, на западе — до Бадахшана и Кафиристана, а на юге — до ханств Дира, Мастуджа и Ясина. Ему номинально подчинялись жители Восточного Кафиристана, Дарела и Тангира. Захват этих обширных районов Гиндукуша удался Аман ул-мульку в результате жестокости, коварства и обмана¹⁰. Ради укрепления и сохранения своей власти он уничтожил четырех своих близких родственников, в том числе родного и двоюродного братьев.

Правление мехтара в Читрале было деспотическим; фактически он был абсолютным монархом и сосредоточивал в своих руках светскую и духовную власть.

Мехтары должны были управлять страной с помощью дарбаров (советов), в которые входили представители господствующего класса. Дарбар созывался два раза в день — около 11—12 часов дня и в 10 часов вечера. В летнее время дарбар происходил под тенью чинар в глубине сада, а иногда где-нибудь на берегу реки. Вечерний дарбар собирался в помещении. Несмотря на неограниченную власть мехтара, временами ему приходилось считаться с мнением некоторых представителей феодальной аристократии, которые держали в своих руках отдельные полунезависимые округа. Сидя в отдаленных населенных пунктах, они не ограничивались лишь собиранием дани с подвластного им населения. Нередко они выступали не только друг против друга, но и против центральной власти мехтара, в частности Аман ул-мулька.

До захвата Читрала англичанами Аман ул-мульк пользовался полной независимостью. Известны случаи, когда Читрал вел войны с правителями соседних государств. Войны эти не всегда были успешными. Так, за несколько лет до прихода к власти Аман ул-мулька мир Бадахшана Султан-шах занял своими войсками Читрал. Это событие произошло, по-видимому, в 1851 г. Предводители бадахшанских войск грабили и разоряли страну. Народ разбежался, а те, которых удалось захватить в плен, были превращены в рабов. В общей

---

¹⁰ G. Robertson, Chitral..., стр. 86.

сложности было захвачено более 15 тыс. человек, в том числе более 3 тыс. девочек и мальчиков, которые были распределены между войнами, главным образом предводителями войск мира. После шестимесячного пребывания бадахшанский мир покинул Читрал, оставив там своего наместника¹¹. Позднее бадахшанский мир еще раз предпринял наступление на Читрал, но безуспешно.

Во второй половине XIX в., когда Бадахшан вошел в состав Афганистана, Аман ул-мульк установил дружественные связи с афганским государством; была достигнута договоренность о женитьбе наследника афганского престола на дочери читральского мехтара, но брак не состоялся. В 1876 г. Аман ул-мульк по совету английских агентов стал искать союза с кашмирским махараджей, вассалом Англии¹².

Англичане, проявляя заботу о «дружбе» между Кашмиром и Читралом, пытались усилить свое влияние среди враждебно настроенных к ним народов. Ради этого они строили крепости в Гилгите, чтобы отсюда распространить свою власть на население Гиндукуша. Англичане задались целью захватить не только Гиндукуш, но и Памир, с тем чтобы затем распространить свое влияние дальше, в глубь Средней и Центральной Азии. Читрал же «представлял удобные исходные пункты для подчинения английскому влиянию племен, живущих к северо-западу (имеется в виду прежде всего Афганистан.— Б. И.), тогда как без него англичане могли быть надолго задержаны в Хайбарском проходе»¹³.

Среди других феодальных владений весьма заметную роль играли два небольших самостоятельных ханства Канджут (Хунза) и Нагор (или Нагар), расположенные в труднодоступной долине верхней части р. Гилгит. Английский офицер Е. Найт писал: «Окруженные со всех сторон гранитными крутизнами и обширными пространствами льда и снега, доступные извне только в течение нескольких летних месяцев, да и то случайно, страны Хунза и Нагор уязвимы только в

---

¹¹ «Таърих-и Бадахшан» («История Бадахшана»). Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А. Н. Болдырев, Л., 1959, лл. 45-а, 46-а.

¹² «Пограничная политика Индии», Ташкент, 1910, стр. 19.

¹³ «Борьба англичан с Афганистаном и с племенами на северо-западной границе Индии», Ташкент, 1910, стр. 24.

одном пункте — на южной стороне Гиндукуша, именно по овражистому руслу р. Канджунт. В то же время место слияния этой реки с р. Гилгит служит единственным выходом, через который возможно нападение на эти страны с юга»¹⁴.

В верхней части Канджунтской долины было несколько удобных перевалов, идущих через Гиндукуш на Тагдумбаш, к восточной части Памира. Через эти перевалы ханства Хунза и Нагор издавна поддерживали связи с кочевым населением Восточного Памира. По одному из таких перевалов прибыл сюда известный русский путешественник Б. Громбчевский. Несколько выше места соединения долин Гилгита и Хунзы был расположен укрепленный форт Чальт, который еще в первой половине XIX в. был занят кашмирскими войсками. Он служил для них форпостом при подготовке к нападению на ханства Хунза и Нагор. Выше этой крепости находились почти друг против друга селения Хунза и Нагор, из которых первое было расположено на правом второе — на левом берегу реки. Это были столицы двух самостоятельных феодальных владений.

Между Хунзой и Нагором временами существовала вражда, но в критические моменты, особенно перед лицом общего врага, они обычно объединялись и давали отпор агрессорам. В военное время они могли собрать примерно 5 тыс. воинов.

Владение Канджунт, или Хунза (последнее название в литературе встречается чаще), было более сильным, нежели Нагор. Владение Хунза занимало территорию около 7900 кв. км. В его пределах насчитывалось до 20 небольших деревень. Эти селения были расположены на наиболее плодородной, искусственно орошаемой земле, которая обеспечивала нужды и потребности населения, ханских чиновников и двора. Территория около столицы ханства была наиболее плодородной и густонаселенной частью долины. По мере подъема долины годные к обработке земли постепенно сокращались, уступая место величественным горам.

В этническом отношении страна разделялась на две

---

¹⁴ E. F. Knight, *Where Three Empires Meet. A Narrative of Recent Travel in Kashmir, Western Tibet, Gilgit and the Adjoining Countries*, London, 1895, стр. 107.

основные части — Гуджал и Канджут. Самая верхняя часть Канджутской долины, простирающаяся почти от Гилгита до перевалов через Гиндукуш, была известна под названием «Малый Гуджал». Этот округ около XVII в. был заселен выходцами из западной части Памира (в частности, Вахана). В местности Мисгара, например, большинство населения как по своему внешнему виду, так и по типу одежды, нравам и обычаям отличалось от буришков (или хунзакутов). Выходцы из Вахана говорили на том же языке, на котором говорили их соотечественники и в самом Вахане. Район Канджута, как отмечалось выше, был населен небольшой народностью, говорящей на языке буришки. Между этими двумя этническими группами издавна существовала дружба.

Ваханцы селились на худших землях; сложенные из камней жилища у них были проще и беднее. Аборигены же владели значительно более плодородными, хорошо орошенными землями и многочисленными стадами.

Население страны никто не учитывал, даже сам владетель не знал точного числа своих подданных. По приблизительным подсчетам русских и английских исследователей, оно исчислялось от 6 тыс. (Б. Громбчевский, Биддолф) до 10 тыс. (Дюранд) человек. (По данным переписи 1941 г., в Хунзе проживало 15,3 тыс. человек.)

Во главе страны стоял монарх — тума. Его власть была неограниченной, он распоряжался жизнью и смертью своих подданных. Жители страны, темные, забитые и фанатичные, обожествляли туму; по их представлению, он мог посылать гром, молнию и во избежание засухи — дождь.

Как видно из описаний дореволюционных исследователей, среди владетелей мелких княжеств Гиндукуша тумы были самыми деспотичными абсолютными монархами.

Власть тумы, а равным образом его вазиров, была наследственной. Все высшие должностные лица, в том числе и вазир, как правило, были из числа родственников местных властителей. Даже если мнение вазира по каким-либо причинам расходилось с мнением тумы, последний не мог освободить вазира от занимаемого поста. Вместе с тем бывали случаи, когда вазир и их сторонники — феодалы смещали и даже убивали тумов.

Дворец тумы, расположенный в самой недоступной и высокой части Балтита, был окружен высокими стенами. Внутри дворца было множество лабиринтов.

История Хунзы, равно как и родословная тумов, в литературе мало освещена. Дюранд писал: «Согласно преданию, Хунза и Нагар несколько столетий тому назад управлялись одним властелином. Но однажды правитель поделил страну между двумя сыновьями-близнецами, жившими в смертельной вражде. Правитель Хунзы был убит одним из приверженцев своего брата и оставил после себя единственную дочь, которая влюбилась в своего двоюродного брата, сына нагорского правителя. Влюбленные встречались украдкой, причем принц переплывал каждую ночь р. Хунзу. Их сын, основатель теперешней династии, был назван Айеша»¹⁵. Некоторые тумы пытались доказать свое происхождение от Александра Македонского. Подобные легенды были весьма широко распространены во всех горных владениях, в том числе и на территории Таджикистана.

Тумы Хунзы и Нагора обычно находились в стороне от бурных политических событий, происходивших в равнинных районах, но отзвук этих событий нередко докатывался и до них. Иногда же они участвовали в этих событиях. Так, во время восстания населения в г. Яркенде в 1847 г. (во главе с ходжами Кашгара) Газзанфар-хан — тума Хунзы — принял активное участие в подавлении этого восстания, закончившегося изгнанием и уничтожением ходжей и их последователей.

После установления в Кашмире власти английского вассала махараджи Гулаб Сингха правитель Хунзы считал целесообразным наладить с махараджей мирные отношения. Он ежегодно посылал ему символическую дань: унцию золотого песка, двух лошадей и двух охотничьих собак¹⁶. Вместе с тем правитель Хунзы отстаивал свою полную самостоятельность как во внутренних, так и во внешних вопросах. Зависимость Хунзы от кашмирского махараджи носила номинальный характер. Попытки же махараджи Кашмира занять Хунзу своими войсками (в 1848, 1865—1866 и в 70-х годах) неизменно кончались провалом из-за решительного отпо-

¹⁵ А. Дюранд, *Созидание границы...*, стр. 124.

¹⁶ А. Е. Снесарев, *Северо-индийский театр...*, ч. II, стр. 70.

ра, который оказывали незваным пришельцам местные жители.

Тумы Хунзы пытались наладить дружественные отношения и с правителями Гилгита. Временами, в зависимости от политической обстановки, они признавали номинальное главенство Гилгита.

Значительные усилия прилагали тумы Хунзы для установления добрососедских отношений с владельцами западных районов Памира — Шугнана и Вахана. Здесь помимо экономических, политических и родственных связей большую роль играла религиозная общность — канджутцы, как и памирцы, исповедовали исмаилизм и подчинялись духовному руководителю Ага-хану.

Английские исследователи ради оправдания колониаторской политики Англии, в частности так называемой «культурной миссии» по отношению к отсталым и полуотсталым народам, весьма часто обвиняли их в варварстве и грабежах. По их описаниям, хунзакуты непрерывно грабили чужие владения и караваны. Однако эти ложные обвинения оспаривали даже некоторые английские авторы. Так, Биддолф писал: «Население этих обоих малоизвестных владений (Хунзы и Нагора.— *Б. И.*) считалось разбойничьими племенами, прославившимися нападениями на караваны между Яркендом и Лехом. Это не вполне верно»¹⁷.

Однако всецело отрицать факты нападений канджутских феодалов на соседние владения с целью грабежа нельзя.

Наиболее частым объектом нападений была дорога между Яркендом и Лехом (в Ладаке), в частности в районе Кулан-Ульды (расположенного по р. Раскемдаря). Канджутский тум имел в Кашгаре своего представителя, который постоянно информировал его о движении караванов. Так, в 1865 г. феодалы Хунзы захватили в Кулан-Ульды караван из 50 нагруженных верблюдов и 500 лошадей. Вплоть до второй половины XIX в. многие феодальные владельцы Средней Азии, Афганистана и других областей занимались работорговлей, и канджутский хан здесь не был исключением. Хунза была постоянным поставщиком рабов на рабовладельческом рынке. Рабы, захваченные во время на-

---

¹⁷ Биддолф. Народы, населяющие Гиндукуш, стр. 31.

бегов на соседние районы, продавались в Бадахшане, Кундузе и в других центрах как Афганистана, так и Средней Азии.

Найт писал, что в нападениях на соседние владения и в обороне своих границ канджутцы не имели себе равных. Несмотря на малочисленность, канджутцы во время военных столкновений нередко обращали в бегство даже кашмирские полки. Весьма часто происходили военные столкновения между кашмирскими войсками и канджутскими феодалами из-за крепости Чальт, которая вплоть до первой половины XIX в. находилась во владении Канджута, а затем была занята войсками махараджи Кашмира.

В 1888 г. канджутцы захватили крепость Чальт, в это время уже принадлежавшую Кашмиру, и изгнали из нее кашмирский гарнизон. Из Гилгита кашмирский махараджа направил к крепости не менее 6 тыс. солдат, однако канджутцам удалось не только разбить их, но и захватить помимо другого оружия пушки, из которых они впоследствии стреляли по наступавшим английским войскам¹⁸.

Весьма часты были военные столкновения и из-за крепости Чапрот, расположенной на берегу небольшой реки. Из-за этого пункта постоянно спорили между собой правители Гилгита, Нагора и Хунзы, так как он находился на границе их владений. Чапрот считался неприступным, был расположен в «углу», образуемом двумя потоками с высокими, обрывистыми берегами, «потому подойти к нему можно лишь с одной стороны»¹⁹. Он попеременно входил в состав всех трех владений, а в рассматриваемый период принадлежал кашмирским махараджам.

Во многом сходными были и исторические судьбы княжества Нагор, теснейшим образом связанного с Хунзой.

Нагор — небольшая страна (площадь — около 2400 кв. км), где, по данным Биддолфа, проживало около 10 тыс. человек (по переписи 1941 г. — 14,8 тыс. человек). До XV в. Нагор, по преданию, составлял одно государство с Хунзой. Земли в Нагоре отличались пло-

¹⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. I, д. 11, л. 33.

¹⁹ Биддолф, Народы, населяющие Гиндукуш, стр. 30.

дороднем и давали исключительно обильные урожаи. Реки были золотоносными. Страна славилась своими абрикосами, которые в сушеном виде продавались главным образом в Пенджаб.

Как писал Биддолф, во времена правления шинов тумы Нагора признавали ра Гилгита своими сюзеренами. Сохранилось предание, якобы деревни Нилт, Гилмит, Талл и Пуссунт, принадлежавшие Нагору, были даны в приданое тумам, женившимся на дочерях ра. Временами Нагор находился в зависимости от Хунзы. С 1868 г. Нагор стал данником Кашмира и платил ему ежегодно 21 тола золота и две корзины абрикосов²⁰. В свою очередь князь Нагора получал от Кашмира в виде помощи небольшую субсидию.

Княжество Нагор было расположено в отрогах Гималайских гор и окружено быстрыми реками, берущими свое начало из ледников с вершин северной стороны. Террасообразный спуск к реке, холмистость — вот приметы ландшафта Нагора. Ханство делилось на восемь округов, в каждом из которых были специальные укрепления (как и в других горных странах, они служили местом укрытия населения в случае нападения соседних княжеств). Эти укрепления были построены из сырцового кирпича и камня и напоминали четырехугольные башни.

Нагорцы, как и канджутцы, говорили на языке буришки. При этом представители обеих групп обычно утверждали, что они родом из Бадахшана и Вахана²¹. В отличие от Хунзы, где население было исмаилитами, нагорцы в основном считались шиитами. Многие жители Нагора жили в горных теснинах. Населенные пункты располагались в таких глубоких ущельях, что жители в зимнее время, особенно в течение декабря и января, почти не видели солнца. В экономическом отношении жители Нагора в значительной степени зависели от канджутцев. Особенно они нуждались в таких предметах, как бумажная материя, соль, сахар, холодное и огнестрельное оружие.

Правители Нагора и Хунзы нередко враждебно от-

---

²⁰ Там же, стр. 33.

²¹ R. C. F. I c h o m b e r g, *Between the Oxus and Indus*, London, 1953, стр. 127.

носились друг к другу. Такая вражда, помимо территориальных претензий, возникала также и на религиозной почве. Правда, в XIX в., в связи с массовым переходом жителей Вахана на земли Нагора, в княжестве начал распространяться исмаилизм.

Среди других феодальных и полуфеодальных владений весьма заметную роль играло княжество Ясин, исторические судьбы которого теснейшим образом переплетались с Читралом.

Территория Ясина расположена в северо-западной части долины одноименной реки и непосредственно примыкает к Пуниалу. В отдельные периоды правителям Ясина подчинялась территория от истоков этой реки до впадения в нее Ишкумана, но в основном владения Ясина простирались в долинах двух левых притоков р. Ясина. С северной стороны оно примыкало к восточной части Гиндукуша, который отделял его от Вахана. С восточной стороны оно отделялось от Хунзы водоразделом рек Канджута и Ишкумана; на западе соприкасалось с Читралом, на юге — с хребтами, образующими водораздел между Индом и Ясином.

О характере взаимоотношений между Ясином и Читралом свидетельствует политика коварного Аман улмулька. Обвенчав свою дочь с Пахлаван Бахадуром, правителем Ясина, он тем самым сумел завоевать его доверие. Затем, готовясь к походу на Гилгит, Аман улмульк заключил союз со своим зятем и отправил его в заранее указанные районы якобы для общего наступления на Гилгит. А сам, используя отсутствие зятя и его войска, захватил Ясин; Пахлаван Бахадур был вынужден бежать.

Из Ясина шли через перевалы дороги в Читрал Гилгит и другие владения. Как писал Биддолф, Ясин с давних времен считался очень удобным убежищем для тех народов, которые не могли оказать сопротивления завоевателям. Здесь лежала обширная долина Гизр (называемая шинами Шеваре). Вдоль нее тянется хорошая дорога в долину Свата. В округе Гизр жили читральцы (хо), пришедшие из долины Кашкар-боло и вытеснившие шинов.

Долина от Мастуджа вверх, до подножия Барогильского перевала, называлась Ярхун. Ниже Мастуджа долина называлась Хо; обе эти долины составляли

часть Кашкар-боло и входили в состав владений семейства Хушвактов²².

Большую часть населения Ясина составляли шины, жившие в основном в долине Гизр, буришки и читральцы (главным образом на севере, у подножия Гиндукуша). Встречались также таджики — переселенцы из Вахана, сохранявшие свой родной язык. Период самостоятельного существования Ясина — конец XVII и начало XVIII в. — связан с династией Хушвактов. Правители из этой династии носили таджикский титул мехтар.

Хушвакт, основатель династии, был сыном читральского мехтара Мухаммед-бека. Последний был владельцем Мастуджа, пожалованного ему отцом. Сын Мухаммед-бека — Фаромуз, завладев Ясином, отделился от Читрала. Не ограничившись этим, он захватил и включил в состав своего владения верхнюю часть долины Панджкора и Свата. Расширив свои владения, он вынудил своих братьев в Читрале признать его самостоятельным владельцем Ясина. После его смерти, в годы правления его племянника Хуш-Ахмада, бадахшанский мир Султан-шах напал на Читрал. Читральцы были разбиты и вместе со своим мехтаром нашли убежище в Ясине. Султан-шах, подчинив себе Читрал, пытался напасть и на Ясин. Но Хуш-Ахмад старался уклониться от открытого сражения с ним. Поэтому он со своим войском укрылся в укреплении Мастуджа, которое в течение шести месяцев неудачно осаждали противники. В конце концов между Султан-шахом и Хуш-Ахмадом был заключен мирный договор, по которому Ясин остался самостоятельным владением.

Эти события произошли в первой половине XIX в. и нашли свое отражение на страницах «Таърих-и Бадахшан»²³.

По сообщению Биддолфа, владельцы Ясина ежегодно получали значительные доходы от жителей соседних районов. Так, жители Тангира из-за нехватки собственных пастбищ переходили со своими стадами в летнее время в Ясин. За право пастбы они платили правителю Ясина ежегодно с каждой деревни подать, состояв-

²² Биддолф, Народы, населяющие Гиндукуш, стр. 77—78.

²³ «Таърих-и Бадахшан» («История Бадахшана»), стр. 88-6 и сл.

шую из соли и табака. Кроме того, они дарили правителю скот²⁴.

Самостоятельность Ясина особенно укрепилась при Сулейман-шахе и Гавхар-Амане. Сулейман-шах захватил Гилгит, однако не сумел окончательно закрепить его за собой. При Гавхар-Амане нередко наблюдались случаи вмешательства кашмирских властей во внутренние дела Ясина, поэтому Гавхар-Аману, ради сохранения независимости своей страны, в течение почти 20 лет пришлось активно защищаться от войск кашмирского махараджи. В этой борьбе Гавхар-Аман оказывал помощь и другим владельцам Дардистана, отстаивавшим независимость своих владений от посягательств кашмирского махараджи, за спиной которого стояли английские колонизаторы. Нередко жители Дарела и Тангира вступали в союз с ясинскими правителями против внешних врагов. Так было в 1866 г., когда кашмирские войска вступили в Дарел, с тем чтобы наказать его жителей за оказываемую ими читральцам и ясинцам помощь при нападении на данника Кашмира Гилгит. Несколько жителей Дарела были повешены. Ясин подвергся сильному разорению в результате пребывания кашмирских войск в этом владении.

В конце концов после неоднократных нападений кашмирских войск Гавхар-Аман был вынужден пойти на уступки и признать себя номинально зависимым от кашмирского махараджи. При последующих представителях этой династии, в частности при Мир-Вали и его брате Гулям-Мохо уд-дине (по прозвищу Пахлаван Бахадур), роль и значение Ясина как самостоятельного владения постепенно начали уменьшаться. Неоднократные нападения Читрала (не без помощи кашмирского махараджи) привели в конечном счете в 1880 г. к подчинению Ясина Читралу.

Английские власти внимательно следили за политическими событиями, происходившими в этом районе. Вскоре после провала попыток махараджи Кашмира захватить Ясин (1866 г.) здесь начали появляться английские агенты. В 1869—1870 гг. Ясин посетил крупный английский разведчик Г. Хейворд. О его пребывании здесь следует сказать подробнее.

---

²⁴ Биддолф, Народы, населяющие Гиндукуш, стр. 17.

Британская империя всегда придавала первостепенное значение укреплению своих позиций в пригиндукушских княжествах, куда и направился Хейворд. В одном из своих писем от 15 ноября 1869 г. он сообщил, что его принял в своей стране Мир-Вали-хан, правитель Ясина, родственник читральского мэхтара Аман ул-мулька. Хейворд считал, что для него не будет представлять больших трудностей проникновение и в Каракорум. Более того, через Мир-Вали-хана он рассчитывал посетить не только Ясин, но также Вахан, Шугнан, Рушан, Дарваз, Куляб, Гиссар, Шахрисябз и другие районы.

В другом письме из Ясина от 14 марта 1870 г. Хейворд сообщал, что уже значительно обследовал Гилгит с его окрестностями, что жители Ясина несколько встревожены его появлением в стране. Далее он подчеркивал, что ему удалось обследовать ближайшие районы, расположенные у Даркотского перевала, что он написал специальное письмо Аман ул-мульке, с тем чтобы пройти через Читрал в Бадахшан. Хейворд писал о том, что в стране в результате междоусобных феодальных войн всюду много разрушений, брошенных домов и пустующих земель²⁵.

К концу апреля Хейворд, сообщая о своем возвращении в Пенджаб, подчеркивал, что он решил еще раз побывать в Ясине, с тем чтобы установить более тесный контакт с местными жителями и с их помощью продвинуться к Бадахшану и попасть на Памир.

В своих последних письмах Хейворд указывал на необходимость расширения торговли с Кашгаром и его наиболее крупным городом Яркендом, который должен стать рынком сбыта для промышленных изделий Англии, а Кашгар в целом мог служить прекрасным плацдармом в борьбе с Российской империей.

Касаясь последнего вопроса, Хейворд подчеркивал необходимость движения на Памир с двух сторон — с Гиндукуша и из Кашгара как ближайших районов на подступах к Памиру. Нет сомнения в том, что английская разведывательная служба возлагала на Хейворда большие надежды в части исследования Гиндукуша,

---

²⁵ «The Journal of the Royal Geographical Society», London, 1871, vol. 41, стр. 1, 5.

Памира и других областей. Однако этим планам не суждено было полностью осуществиться — 17 июля 1870 г. в районе Даркотского перевала Хейворд погиб от руки правителя Ясина Мир-Вали-хана.

Между Хунзой и Нагором на востоке и Читралом на западе были расположены мелкие владения: Ишкуман, Кух и Гизр (или Гизар). Население этих районов (немногим менее 20 тыс. человек) в основном состояло из таджиков, хо и буришков, говоривших на таджикском, буришском и ховарском языках и исповедовавших исмаилизм.

Ишкуман, расположенный ближе к Вахану, значительно больше был заселен таджиками памирского происхождения, которые переселялись сюда в разное время, но особенно интенсивно во второй половине XIX в.

Период полусамостоятельного существования мелких владений продолжался до 1876 г. — до кашмиро-читральского соглашения, по которому все эти владения, находившиеся в разной степени зависимости от Аман ул-мулька, попали в сферу влияния кашмирского махараджи, а следовательно, и англо-индийских властей. С этого времени здесь появился представитель британских колониальных властей в Индии.

Среди феодальных владений Пригиндукушья с давних пор особое место занимал Гилгит (в более ранний период — Саргин; позднее он стал известен как Гилгит, а затем пенджабцы-догра исправили это название на Гилмит, но народы этой страны до сих пор называют ее Гилгитом или Саргин Гилгитом). Расположенный в центре края, на берегах одноименной реки, связанных подвесным мостом, Гилгит сыграл важную роль в истории пригиндукушских владений. В климатическом и географическом отношении он был расположен чрезвычайно выгодно. В Гилгите имелось довольно много плодородных земель, дававших хорошие урожаи пшеницы и риса. Правители Гилгита временами подчиняли себе более слабые феодальные владения не только соседних, но и дальних районов. В свою очередь и Гилгит нередко испытывал на себе влияние более сильных владетелей. Гилгит, находясь в наиболее гористом районе Гималаев, был своего рода центральным стратегическим узлом, из которого расходилось множество горных троп, ведущих в самые отдаленные районы приги-

малайских и пригиндукушских княжеств²⁶. Он еще с незапамятных времен был экономическим и торговым центром для окружающих районов, которые в силу географических и политических условий тяготели к нему.

Остатки древних каменных строений и буддийской резьбы по дереву свидетельствуют, что в Гилгите когда-то правила буддийская династия²⁷. Правители Гилгита накануне мусульманского завоевания носили титул ра; они, по некоторым данным, были по вероисповеданию индусами. С распространением ислама, примерно в начале XIV в., связано появление новой династии.

По одним данным, в Гилгите проживало до 60 тыс. человек, по другим — до 45 тыс.²⁸. Следы покинутых селений указывают на то, что в более ранние времена жителей было здесь больше. Население Гилгита, особенно оседлое, было смешанного происхождения. Оно говорило на нескольких языках; наиболее распространенным был язык шина. По данным Биддолфа, примерно $\frac{3}{4}$ населения были суннитами, остальные — шиитами.

По истории Гилгита, как и других пригиндукушских и пригималайских владений, сохранилось весьма мало источников, да и то по большей части в виде записи устных преданий. Новейшая история Гилгита началась после его подчинения англичанам. Есть основания полагать, что с начала XIX в. Гилгит служил ареной междоусобных войн и нередко переходил от одного завоевателя к другому. Начиная с 50-х годов XIX в., после того как Кашмир при помощи англичан распространил свою власть на Гилгит, династия местных властителей прекратилась.

Помимо основного занятия населения — земледелия — в Гилгите было довольно высоко развито ремесленное производство.

Выше уже отмечалось стратегическое значение Гилгита, которое и сделало его политическим центром всего края. Основные пути сообщения, идущие от Восточного Памира, а также в западном и юго-западном направлениях, сходились в районе южного склона Гиндукуша. Поэтому кашмирский махараджа направил

---

²⁶ «The Imperial Gazetteer of India», 1908, vol. XII, стр. 239.

²⁷ Там же, стр. 239.

²⁸ Там же.

свои взоры прежде всего на Гилгит, где позднее были расположены его самые отборные полки.

В 30 км от Гилгита, вверх по р. Ясин, проходила граница другого полусамостоятельного владения, Пуниала. На протяжении более 30 км он граничил с Читралом. В Пуниале насчитывалось девять населенных пунктов, в которых проживало около 2 тыс. человек, в основном буришков. Резиденцией правителя была Черкала. Этнически население было однородным. Происходила постепенная ассимиляция буришков Пуниалы шинами, о чем свидетельствует то обстоятельство, что они кроме своего родного языка говорили также и на языке шины. В религиозном отношении население Пуниала принадлежало к секте исмаилитов. У населения этого района сохранялись в общественном строе значительные пережитки доклассовых отношений.

Еще в конце XVIII и начале XIX в. Пуниал сделался объектом нападения более сильных княжеств, в частности Гилгита и Ясина, которые время от времени распространяли на него свое влияние. Позднее Пуниал добился самостоятельности и оставался независимым до тех пор, пока уроженец Дарели, по имени Шот, не завоевал его, объявив себя тумом (правителем) Пуниала. Однако он вскоре был убит Шах-пиршахом, потомком Хушвакта из Ясина, который назначил в Пуниал в качестве самостоятельного владетеля своего сына Буруша. Позднейшими правителями Пуниала стали потомки Буруша. Один из них, Акбар-хан, оказывал весьма активное сопротивление махарадже Кашмира, который при поддержке англичан стремился подчинить Пуниал.

Среди других мелких княжеств следует отметить Чиласское владение, расположенное в весьма труднодоступном районе, по соседству с Дарелом и Гуром. Хотя формально жители Чиласа считались подданными Гилгита, фактически же они были самостоятельны. Махараджа Кашмира в 1851 г. организовал военную экспедицию против Чиласа, после чего чиласцы обязались ежегодно выплачивать ему дань.

Население Чиласа было немногочисленно. Жители занимали шесть долин; наиболее крупными населенными пунктами были Тур (200 домов), Чилас (140 домов) и Ток (80 домов). Хотя жители Чиласа были одни

сунитами, другие — шиитами, но об исламе они имели весьма приблизительное представление.

Теперь остановим свое внимание на Кафиристане. Эта горная страна на востоке и на юго-востоке соприкасалась с Читралом, на западе — с Кабулистаном и на севере — с Бадахшаном. Во второй половине XIX в. ее население достигало 250—300 тыс. человек.

Население соседних княжеств называло жителей Кафиристана сияхпушами, т. е. «людьми, одетыми в черное»²⁹.

Само население называло страну Вамастан. На этом основании Генри Раулинсон предположил, что Вам является искаженной формой санскритского слова «ван», имеющего значение «джунгли, заросли». Едва ли можно сомневаться, что в прежние времена кафиры занимали большую территорию, нежели во второй половине XIX в. «Постоянно теснимые мусульманами, они частично удалялись в наименее доступные верховья ущелий, частично подчинялись соседним правителям и принимали ислам»³⁰.

По сведениям Робертсона, Кафиристан был разделен между отдельными племенами, отличающимися друг от друга по языку, одежде, нравам и обычаям. Общей чертой, объединяющей сияхпушей, английские авторы считали то, что они не исповедовали ислам. Но и этот объединяющий фактор постепенно начал утрачивать свое значение, так как население, проживавшее близ границ соседних владений, постепенно стало принимать мусульманство³¹. Например, «Башгульские кафиры жили не обособленно, часто посещали Читрал и имели сношения с мусульманами других районов. В результате они раньше других стали принимать ислам»³².

Вплоть до новейшего времени страна оставалась почти неизученной. Попытки многих путешественников проникнуть в Кафиристан по тем или иным причинам были неудачны. Исключением был английский доктор и дипломат сэр Джордж Робертсон (впоследствии бри-

---

²⁹ П. Лессар, Сведения о Кафиристане (по английским источникам), — «Сборник материалов по Азии», вып. XXIX, СПб., 1888, стр. 7.

³⁰ Там же, стр. 7.

³¹ Д. Ж. Робертсон, Кафиристан, Ташкент, 1906, стр. 10

³² Там же, стр. 67.

танский политический агент в Читрале), который специально посетил районы, заселенные кафирами. Робертсон первый раз проник в восточный Кафиристан в 1889 г., но вскоре, дойдя до Камдеша, вернулся в Читрал. Второй раз он посетил эту страну почти через год. В течение этого времени (1890—1891 гг.) он подробно изучил восточный Кафиристан и совершил экскурсию по направлению Камдеша³³.

Позднее отдельные районы этой страны посетил русский путешественник Б. Громбчевский. Из опубликованных работ по этим районам наиболее значительной остается сочинение Д. Робертсона, который дал довольно подробное описание современного ему положения Кафиристана, быта, нравов, обычаев и верований жителей этой страны.

Следует отметить, что Робертсону все же не удалось полностью исследовать этот район, в первую очередь потому, что многие племена просто не пускали его на свою территорию. Препятствием для путешественника были также и плохие пути сообщения. Нередко ему приходилось карабкаться с одной скалы на другую и пробираться по деревянным мосткам, переброшенным через глубокие пропасти³⁴. Основным объектом непосредственного наблюдения Робертсона был район Башгуля и долины, примыкающие к нему. Из Башгуля Робертсон вступил в верхнюю часть долины Мунджана. Кроме того, ему удалось исследовать Кундру, с ее боковыми долинами от Ширкана до Гейлана. Лишь после этого Робертсон проник в центральную часть Кафиристана, называемую Вираном или Презуном. Значение этой долины, в частности, заключалось в том, что она считалась священной местностью Кафиристана. В результате исследования отдельных районов автор дал сравнительную картину их социально-экономического и политического положения.

По предположению Робертсона, кафиры — потомки древнего народа индийского происхождения, населявшего восточную часть Афганистана, которые в XI в. отказались от принятия ислама и эмигрировали в не-

---

³³ Н. И. Вавилов, Избранные труды, М., 1959, т. I, стр. 1.

³⁴ [Л. Б.-ч], Наши соседи за Памиром, — «Вестник Европы», СПб., 1897, т. IV, № 7, стр. 169, 172.

доступные районы, причем прежние аборигены этих гор частью были уничтожены, частично же смешались с кафирами. «Кажется достоверным,— подчеркивал автор,— что кафиры представляли смесь разных народностей, хотя, по-видимому, в них нет примеси тюркской крови. Более чем вероятно, что они пришли с запада, по крайней мере большая их часть, и в этом все жители глубоко убеждены сами»³⁵. Остатками этих горных аборигенов Робертсон считал племена презунов, джозис и арамс, которых именовал кафирами. При этом подлинными сияхпушами он называл основных жителей западной долины, на границе с Афганистаном.

Предположение Робертсона о кафирах как древнем индийском народе каких-либо серьезных оснований не имело. Видимо, автор выдвинул свою гипотезу скорее из политических соображений, так как в этом случае можно было бы говорить о необходимости включения их в состав Британской Индии.

Отдельные ученые считали их исконными жителями страны, ее аборигенами. Некоторые полагают, что кафиры являются народом смешанного происхождения, восходящим к таджикам. Они первоначально занимали плато Бадахшана, откуда затем постепенно были вытеснены более сильными соседями, которые в свою очередь стали занимать уже заселенные районы, принадлежавшие другим народам.

Весьма возможно, отмечал русский исследователь Л. Богданович, что окружавшие кафиры племена сами того же происхождения, что и кафиры, но вследствие постоянного общения с мусульманскими народами, окружавшими их, они забыли обычаи, которые были присущи кафирам.

По нашему мнению, жители Кафиристана этнически близки жителям долин верховьев Пянджа, т. е. таджикам высокогорных районов Шугнана, Рушана и Вахана. Это предположение можно обосновать сведениями о кафирах, которые мы находим в сочинениях средневековых восточных авторов (Бабура, Мирзы Хайдара), а также новейшими этнографическими материалами и данными о культурном облике кафиров, собранными советскими исследователями (например, Н. И. Вавило-

---

³⁵ Д. ж. Робертсон, Кафиристан, стр. 31.

вым и Д. Д. Букиничем)³⁶. Возможно, что часть кафи-
ров первоначально занимала плато Бадахшана и со-
седние горные районы. Последнее предположение наво-
дит на мысль, что многочисленные крепости, построен-
ные в районе Ишкашима и Вахана, как в свое время
утверждал А. Бобринской, не могли принадлежать лишь
одним народностям Вахана и Ишкашима, а являлись
результатом усилий также и других народов. Еще
А. Дюранд подчеркивал, что в многочисленных районах
Гиндукуша часто встречаются «следы прошлых обита-
телей, остатки из камня построенных деревень, припи-
сываемых кафирам и воздвигнутых где-либо на недо-
сягаемых высотах»³⁷.

Власть в Кафиристане фактически была сосредото-
чена в руках племенной знати, так называемых джа-
стов. «Значение всякого отдельного лица в клане,— пи-
сал Робертсон,— измеряется главным образом степенью
его богатства. Влияние и популярность человека нема-
ло зависят также от того, насколько он угощает своих
одноплеменников и насколько он выказывает готовность
совершать жертвоприношения... Человек может быть
храбрым, преданным, рассудительным, но все это не
имеет никакого веса в обществе, если он беден»³⁸. Что-
бы стать джастом, нужно было быть весьма богатым
и обильно угостить своих односельчан. В решении важ-
ных вопросов на советах главную роль играли джа-
сты. В каждом населенном пункте существовал свой
совет из 13 человек, который периодически переизби-
рался.

Влияние джастов было велико: неподчинившиеся ему
наказывались вплоть до сжигания их домов. Преступ-
ления строго карались. Вор должен был оплатить укра-
денное в семь-восемь раз большей суммой. Строго на-
казывался убийца: он должен был покинуть деревню
и стать изгнанником; дом его сжигался, он лишался
семьи и собственности. Позор распространялся не толь-
ко на преступника, но и на его родственников.

Религия кафиров была синкретична; исследователи

---

³⁶ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич, *Земледельческий Аф-
ганистан*, Л., 1929.

³⁷ А. Дюранд, *Созидание границы*, стр. 751.

³⁸ Д. ж. Робертсон, *Кафиристан*, стр. 25.

находили в ней следы зороастризма, брахманизма и языческих культов.

У кафиров не было единого разговорного языка, отсутствовала письменность. Здесь бытовали в основном три языка, из которых наиболее популярным считался язык сияхпушей. Внутри этого языка существовало много диалектов. Другие два основных наречия — языки прасунов и веев отличались и друг от друга, и от языка сияхпушей.

О других более мелких народах Дардистана довольно подробно писал Биддолф: «Страна представляет собою ряд самостоятельных сельских общин (у Биддолфа — республики. — *Б. И.*), независимых друг от друга». Касаясь общественного строя чиласов, Биддолф подчеркивал, что в нужные минуты, во время нападения или обороны, члены общин вступают между собой в союз, чтобы общими усилиями отстоять себя. Каждая деревня в зависимости от ее величины имела известное число старшин, назначаемых из людей, «уважаемых за храбрость, щедрость и красноречие». Общественные дела обсуждались публично на так называемых сигах, в которых могли принимать участие все. С этой целью каждая деревня посылала на сиги своих представителей для разрешения общего дела. Эти представители назывались джуштеро³⁹.

Начало и окончание сига (нечто подобное афганским джирга) оповещались громким свистом. После начала собрания могли выступать избранные лица — джуштеро. При этом во всех главнейших вопросах, особенно юридического характера, решающее слово имели местные муллы, которые чаще всего основывали свои доводы ссылкой на нормы шариата. Они же фактически и решали исход дел, особенно конфликтного характера.

Значительную роль в судьбах пригиндукушских районов в этот период играло ханство Дир. Владение Дир было расположено в истоках одноименной реки, притока Панджоры. Владение получило свое название от деревни Дир, столицы ханства, которая состояла из 400 домов. Основная масса населения была сосредоточена в наиболее плодородных долинах, где верхние склоны горы были покрыты густыми лесами⁴⁰.

³⁹ Биддолф. Народы, населяющие Гиндукуш, стр. 270.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. ВУА/С, оп. II, д. 86, л. 15.

Территория ханства Дир орошалась Панджкорой и ее притоками, до слияния Панджкоры с Баджауром или Рудой, протекавшей к востоку от Верхнего Свата. Верхняя часть долины Панджкоры до ее слияния с Диром называлась Кухистаном Панджкоры, или Кухистанским плоскогорьем, иногда и Башкарком; нижняя часть — Шерингалом. Сама долина Дир называлась также Калишкарком. Хан Ди́ра считался полновластным правителем страны. Он весьма часто претендовал на власть в более мелких владениях, которые временами подчинялись ему. Во владениях хана в основном жили афганцы — юсуфзаи. В Башкаре и в Калишкаре жило много гуджаров⁴¹. Они были очень бедны, и из их среды часто набирали пастухов в другие районы. Население Ди́ра, включая подчиненные ему районы, составляло около 100 тыс. человек⁴².

В юго-восточной части Гиндукуша, к северу от Пешавара, существовало самостоятельное полуфеодалное владение Сват. Во главе Свата стоял вали — князь, у которого была своя собственная армия. Власть вали была наследственной и переходила из поколения в поколение. В ханстве, как и в других областях, населенных афганцами, существовала джирга, состоявшая из деревенских старейшин. Власть вали была ограничена и не считалась абсолютной, как это нередко можно было наблюдать в других княжествах Пригиндукушья.

Сват делился на две обособленные части: Кухистан Свата — гористая страна, расположенная у верховьев р. Сват и ее притоков, другая часть — это собственно Сват, который в свою очередь подразделялся на Бар Сват (Верхний Сват) и Куз Сват (Нижний Сват). Последний тянулся от Ландакая до Калангая, выше рек Сват и Панджкора⁴³.

В долины Свата, Курама и Панджкоры афганские племена проникли, по всей вероятности, в XV—XVI вв.⁴⁴. Миграция в эти районы пуштунов облегчалась тем, что

---

⁴¹ «Англо-индийские владения Северо-западная пограничная провинция». Ташкент, 1910, стр. 24.

⁴² «The Imperial Gazetteer of India», Oxford, 1908, vol. XI, стр. 360.

⁴³ «Англо-индийские владения...», стр. 24

⁴⁴ И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954, стр. 91—97.

оседлое таджикское и индоарийское население здесь частично было уничтожено монгольскими и тюркскими отрядами Чингисхана и его преемников⁴⁵. Многие оседлые жители ушли из этих районов при Тимуре. Проникновение афганцев, в частности юсуфзаев, сопровождалось ассимиляцией народностей и племен, живших здесь ранее. Так, например, частично были ассимилированы и приняли участие в формировании конфедерации юсуфзайских племен и в завоевании долины Свата лагмани — народность, издревле обитавшая на территории Кабулистана⁴⁶. В долине Свата юсуфзаи ассимилировали и часть местного индоарийского населения, о существовании которого в этом районе известно из записок буддийских пилигримов. К середине XIX в. по обычаям, языку и религии эти этнические группы уже не отличались от пуштунов⁴⁷.

В отличие от некоторых соседних феодальных владений в Свате не было установлено твердой власти над страной. Власть вождей была эфемерной и эпизодической, хотя ханы носили пышный титул «падишах». Они руководили ополчениями племен в совместных военных действиях. Огромную роль здесь играли также мусульманские богословы — муллы и имамы. Они помимо земельных наделов за счет племен имели также доход от добровольных подношений. «Самым крупным представителем духовных феодалов Свата в XIX в. был Абдул-Гафур, известный под именем Ахуна Свата. В 1883 г. его сын Абдул-Манан утвердил свою власть в Свате. Такому исходу отчасти помогли его религиозный авторитет и помощь, которую он получал от хана Баджаура»⁴⁸.

---

⁴⁵ Ю. В. Ганковский, Народы Пакистана, стр. 133.

⁴⁶ В. А. Ромодин, Дир и Сват, — «Страны и народы Востока», вып. 1, М., 1959, стр. 116.

⁴⁷ Ю. В. Ганковский, Народы Пакистана, стр. 138.

⁴⁸ В. А. Ромодин, Дир и Сват, стр. 122—123.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы не дают возможности нарисовать с необходимой полнотой картину социальных и экономических отношений, характерных для населения пригиндукушских районов во второй половине XIX в.

Несомненно, что основная масса населения пригиндукушских владений стояла в социально-экономическом отношении примерно на том же уровне развития, что и жители припамирских стран. Вместе с тем в силу особенностей исторического развития, большего или меньшего влияния более развитых областей Средней Азии, Афганистана и Северной Индии уровень развития отдельных пригиндукушских районов был неодинаковым. Более развитыми оказались те районы, население которых чаще соприкасалось с государствами Северной Индии и Туркестана, с которыми жители Гиндукуша с давних времен поддерживали экономические, политические и культурные связи. (Наличие этих связей не исключало, конечно, того, что и в более развитых областях Пригиндукушья экономика носила натуральный характер.)

В Пригиндукушье, как и в горных районах Таджикистана, феодальные отношения, как правило, облекались в патриархальную форму: «Феодальные отношения опирались (как это имело место и в соседних районах), в силу традиций, на авторитет родовых обычаев»¹. Патриархально-общинный уклад выступал здесь прежде всего в виде остатков родо-племенной организации со всеми присущими ей традициями и связями. В целом

¹ Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века, М.—Л., 1962, стр. 120.

процесс феодализации общества во второй половине XIX в. еще не закончился, пережитки общино-родового строя сохранялись, особенно в производственных отношениях.

Огромную роль в общественной, хозяйственной и культурной жизни населения играла сельская община; во многих местах сохранились даже элементы совместной обработки земли.

Исследователи отмечают также важное значение пережитков родо-племенных связей. Патриархальные большесемейные общины, восходящие к периоду разложения первобытнообщинного строя, продолжали существовать в некоторых труднодоступных местностях вплоть до конца рассматриваемого периода.

Интересны материалы о социальной структуре гилгитских поселений. В Дареле, например, поселение состояло из четырех — шести «кварталов». Земля делилась на участки по числу кварталов, а внутри последних — между входившими в них семьями. Переделы производились в разные сроки — от 5 до 30 лет. Имелись патрилинейные группы, каждая из которых вела происхождение от реального или мифического общего предка. В них нетрудно заметить сходство с каунами памирцев. Часть земли (леса, сенокосы, выпасы) находилась в общинном владении, причем летние пастбища распределялись между кварталами. Некоторые пережитки этого явления сохранялись и в пользовании другими категориями земель.

Производственная взаимопомощь в земледелии и скотоводстве была непременным условием общинных отношений. Члены сельских общин периодически устраивали сходы, на которые приезжали представители различных селений. Хотя с распадом общинного строя происходил упадок значения совета старейшин, тем не менее система народного управления, основанная на решении старейшин, еще сохранялась.

Как в Гиндукуше, так и на Памире внутри общин главенство, как правило, принадлежало наиболее влиятельным и богатым слоям. Наличие общин лишь вуалировало существование классов и антагонистических противоречий.

По всей вероятности, в Гиндукуше сельская община создавалась в период распада родового строя. С ослабле-

нием родовых отношений община утрачивала свою первоначальную сущность.

Процесс разложения общины медленно, но неуклонно пробивал себе путь; происходило выделение общинной верхушки; развивалась тенденция к прекращению переделов общинной земли и сосредоточению ее в руках представителей эксплуататорских классов. На первых порах феодальная собственность, в первую очередь собственность на землю, прикрывалась общинной формой собственности, общинным владением и пользованием землей, что до известной степени маскировало существо феодальной эксплуатации непосредственного производителя. Постепенно земля и скот, а равным образом и другие виды богатства концентрировались в руках представителей господствующего класса.

Основой хозяйственной деятельности населения пригиндукушских районов было земледелие, сочетаемое обычно с отгонным скотоводством. Значительную роль играло садоводство. Лишь в отдельных местностях, где природные условия не позволяли заниматься земледелием, преобладало полукочевое скотоводство.

Земли не хватало. Поэтому использовался каждый клочок ее, сколько бы это ни требовало труда. «Культура полей Хунзы,— подчеркивал очевидец,— громадный и упорный труд при устройстве ирригационных каналов и стен, ограждающих поля, свидетельствовали, что народ при обработке полей употреблял нечеловеческие усилия и владел большим опытом»². Не лучше обстояло дело и в других районах, например в Читрале. По тем же сведениям, здесь использовался каждый дюйм земли, где только можно очищенный от камней, которые складывались в высокие кучи. Нет надобности останавливаться на характеристике других районов, условия земледелия в которых во многом напоминали описанные.

Земледельческая культура в целом зависела от орошения, от степени годности оросительных каналов. В случае разрушения каналов народ ожидала голодная смерть. Поэтому не случайно благоустройству оросительных каналов уделялось огромное внимание; число их, несмотря на гористый характер местности, постоянно увеличивалось. Следует подчеркнуть, что восстано-

---

² А. Д ю р а н д. Созидание границы..., стр. 85, 123.

ление старых и строительство новых каналов происходило в трудных условиях. Дело в том, что основным орудием труда для жителей служили небольшая мотыга из мягкого железа, напоминающая садовый инструмент, деревянная лопата и другие примитивные орудия.

Система строительства оросительных каналов и водопользования в целом была такая же, как и в соседних районах, в частности в Афганистане и на Памире³.

В Асторе, например, земледелие полностью зависело от небольших каналов, называемых кулами. Главные культуры здесь, равным образом и в других районах Гиндукуша,— пшеница, овес, горох, просо, гречиха и др. Большое внимание уделялось выращиванию люцерны⁴. Широко использовали естественные удобрения. Получение хорошего урожая было сопряжено с большими трудностями, вызванными главным образом созданием террас и очисткой почвы от камней, не говоря уже, как было отмечено, о строительстве ирригационных каналов. Качество урожая зависело также от климатических и иных условий той или другой местности.

В высокогорных районах из-за суровости климата урожай, как правило, получали один раз в год, в низовьях, где климатические условия были более благоприятными,— два раза.

Большую роль во многих районах Гиндукуша играло садоводство. В летнее время, отмечал очевидец, значительная часть населения питалась фруктами и различными ягодами. Даже скот, особенно овцы и лошади, кормились помимо трав ягодами тутовника, яблоками и пр.

---

³ Описывая Афганистан, академик Н. Вавилов подчеркивал, что для использования «ручьев горные жители приложили весь свой многовековой опыт. Путешественник поражается, с каким искусством проводится вода по высоким карнизам для орошения самых крутых склонов и перебрасывается иногда в соседние суходолы... местные ирригаторы прибегали к наиболее примитивным способам отвода воды в оросительные каналы. Нельзя этого сказать о мелкой оросительной сети. Здесь наблюдается чрезвычайное разнообразие систем полива и зависимость от местных почвенных условий и большое их совершенство. Следует подчеркнуть, что в высокогорных районах с недостаточным количеством выпадающих осадков земледельцы повсюду практиковали довольно частые поливы посевов» (Н. И. Вавилов, Избранные труды, т. I, стр. 142, 158).

⁴ «The Imperial Gazetteer of India», Oxford, 1908, vol. XII, стр. 241.

Население занималось также скотоводством, выращивало буйволов, коров, ослов, лошадей, верблюдов, овец и коз. Часто продукты животноводства использовались только для удовлетворения нужд местного населения. Так было, например, в Канджуте, где, как писал Б. Громбчевский, скотоводство хотя и составляло одно из распространенных занятий местного населения, но скот не был предметом торговли. Касаясь домашних животных в стране, автор продолжал: «Здесь разводятся тибетские быки, обыкновенные коровы, кашмирские быки, называемые гаумыш, и бараны, лошадей очень мало и во всей стране насчитывалось не больше 200 штук, порода горная и маленькая; бараны тоже очень маленькие, без курдюков, но тонкорунные»⁵. У жителей Кафиристана первое место занимало овцеводство; наряду с ним большое распространение получило разведение крупного рогатого скота, также лошадей, верблюдов и др.

Лишь в районах, находившихся вблизи крупных торговых центров или расположенных вдоль караванных дорог, продукция животноводства шла на рынок. Так было, например, в районах, прилегающих к Кашмиру.

Побочным источником существования коренного населения служила охота. Определенная часть населения занималась также пчеловодством и рыболовством.

Из шерсти и кожи местные жители выделяли вещи домашнего обихода для собственного потребления; производили оливковое, ореховое, миндальное масла и др.

Местные кустарные изделия в основном шли для внутреннего потребления, но нередко становились объектом обмена с соседними владениями. Английские товары поступали сюда главным образом через Индию и Афганистан, но из-за своей дороговизны были недоступны массам коренного населения. Поступали сюда и товары кустарного производства из Афганистана. Из русских изделий славились парча, черный с мелкими красными цветами ситец и др.⁶.

⁵ [Б. Л. Громбчевский], Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 г. старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области поручика Б. Л. Громбчевского, [6 м.], [6 г.], стр. 124.

⁶ «Краткие сведения о владениях кашмирского магараджи и о Бадахшане», — ИРГО, 1867, т. III, стр. 179.

Среди кустарных промыслов значительное место занимали шелководство и шерстобитное производство. Местные жители иногда вывозили свои изделия в Северную Индию. К таким товарам относились шерсть, шелк, фрукты, шкуры, шерстяные материи. В свою очередь приобретали в Индии хлопчатобумажные и шелковые ткани, сахар, чай, индиго, золотое и серебряное шитье. Торговля, как и в других горных районах, носила меновой характер⁷.

На внешнем рынке особенно большим спросом пользовались читральские кинжалы с прекрасными рукоятками. В том же Читрале существовал небольшой базар, на котором довольно оживленно торговали как местными, так и привозными товарами из соседних владений (Баджаура, Бадахшана, Шугнана и др.).

Страна обладала минеральными богатствами. В ней ежегодно добывалось много железа, которое вывозили в английскую Индию. Многочисленные реки Гиндукуша отличались золотоносностью. Золотые россыпи были главным образом расположены в верховьях рек Ченга и Атак. Многие жители Гилгита, Хунзы и Нагора занимались добычей золота, которое, подчеркивал очевидец, продавалось здесь в три раза дешевле, чем в Сринагаре. «Кашмирские чиновники и солдаты очень выгодно торговали этим золотом. Количество последнего, собираемое ежегодно чиновниками, было, по-видимому, очень значительно. Каждый проситель или посетитель обыкновенно приносил с собою небольшой ноззар (назр — подарок.— *Б. И.*), обычный подарок низшего высшему, всегда практикуемый на востоке»⁸. Серебро в стране, за редким исключением, не добывалось.

Железо, медь, сернокислый мышьяк высшего качества добывались в Читрале главным образом в местности Кашкар, где жители нескольких деревень специально занимались этим промыслом. Здесь же население вырабатывало ковры низшего качества, так называемые паласы, предназначавшиеся только для внутреннего потребления, а также изделия из хлопка (гузы). Читральские грубые ткани местного кустарного производства (шерстяные и полушелковые), шелк-сырец и гор-

---

⁷ В. Н. Скопин, Средняя Азия и Индия, М., 1904, стр. 143.

⁸ А. Дюринд, Созидание границы..., стр. 200.

ный хрусталь (который шел в большом количестве в Китай на пуговицы для чиновников) выменивались на ситец, простые бумажные ткани кашгарского, бадахшанского и пешаварского производства. Местные изделия менялись также на обувь, чай, сахар, пряности и лекарства. В обмен на товары местного происхождения читральцы приобретали также железо, медную посуду, мелкие стальные изделия, огнестрельное и холодное оружие. Население страны больше всего испытывало нужду в соли. По рассказам купцов, посетивших Читрал, стоило только иностранцу оказаться в этой стране, как его тотчас окружали местные жители — мужчины и женщины — и просили подарить им соль. Солью Пригиндукуше обеспечивали Бадахшан и Ладак.

Важнейшими торговыми центрами, откуда в пригиндукушские районы доставлялась основная часть импортных товаров, были Пешавар и Сринагар в Северной Индии, Лех в Ладаке, Яркенд и Хотан в Кашгаре. Так, например, в Лех, «расположенный на важном караванном пути из Индии в Центральную Азию, — писал английский исследователь Найт, — в летнее время прибывали торговцы со всех концов Индии, Туркестана, Тибета, Сибири и наиболее отдаленных районов Центральной Азии»⁹. В это время не только на базарах, но даже на окраинах города было большое скопление народа.

Товары, отправляемые через Лех, в конечном счете предназначались также и для Гиндукуша. В Лехе все было приспособлено для удобного обслуживания купцов. Местная власть назначала специального представителя, который совместно с представителем Британии регулировал торговлю. Каждая область Ладака находилась в ведении кардара, который обязан был оказывать помощь путешественникам и торговцам Центральной Азии. В его задачу главным образом входила поставка вьючных животных.

Согласно отчету бывшего английского комиссара в Ладаке, капитана Кенниона, в 1890 г. общий оборот торговли достигал 2 млн. руб. После того наблюдалось

---

⁹ E. F. Knight, *Where Three Empires Meet...*, стр. 177. «Лех — главный город малонаселенной и бедной страны. Но он имеет большое значение складочного пункта для торговли, происходящей между отдельными странами».

постепенное его повышение, дошедшее в 1895 г. до 4 млн. руб.¹⁰.

Оживленной была торговля Пригиндукушья также с припамирскими районами. Характеризуя эту торговлю в начале второй половины XIX в., А. Бобринской пишет: «Ваханцы носили по ту сторону Гиндукуша киргизские произведения: кошмы, попоны, свои шерстяные изделия и меняли их на мату, железо и ситец. Читральцы в свою очередь привозили из Вахана менять свои произведения на скот, на чекмени; приносили они сюда хлеб, который меняли на чай»¹¹. Ходили обычно перевалами Барогиль, Козден и одним из перевалов около Зебака. Торговля в основном и здесь носила меновой характер и на основе взаимовыгодности удовлетворяла потребности населения обеих сторон. Временами жители Вахана и Ишкашима вывозили в Читрал товары бадахшанского происхождения, в свою очередь привозили оттуда тамошние изделия и сбывали их в других владениях. «Жители Вахана,— сообщал А. Бобринской,— покупали лошадей в Файзабаде и водили на продажу в Читрал»¹². В Читрал привозили также чекмени, бараньи шкуры, шерстяные узорчатые носки и прочие товары, которые не только обменивались на другие товары, но нередко реализовались и за деньги.

Гиндукушцы в свою очередь вывозили на продажу свои кустарные изделия, которыми они славились. К ним относились медные чаши, кунганы, котлы и тонкий металл. Все это имело большой спрос в припамирских странах.

Торговали между собой также жители Гиндукуша и Кафиристана. Шерсть, сукно выделывались в Кафиристане, а хлопчатобумажные, шелковые и бархатные ткани вывозились из Гиндукуша. Жители Кафиристана предпочитали тканям, изготовленным в Индии, грубую хлопчатобумажную ткань, которую продавали им купцы соседних владений.

Велась торговля и между жителями Кафиристана и мунджанцами. Последние очень часто привозили на

¹⁰ «Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания ген. л-та Сахарова», Ташкент, 1903, стр. 319.

¹¹ А. Бобринской, Горцы верховья Пянджа, М., 1908, стр. 87.

¹² Там же, стр. 86.

продажу черные шерстяные халаты, грубые хлопчато-бумажные материи, деревянные гребни, дешевые бадахшанские шелковые халаты, безделушки и соль, также иглы, нитки, медные наперстки, кольца, железо, свинец, порох, ружья бадахшанского производства и др. Соль, например, в отдельных населенных пунктах продавалась по 8—10 сиров на 1 кабульскую рупию. Из Кафиристана взамен привезенных товаров увозились кожа, шерсть, козы, овцы, мед и орехи. «Корова представляла собою меновую единицу, оцениваемую в двадцать кабульских рупий»¹³.

В некоторых селениях на базе упрочившегося обмена к концу XIX в. наблюдалась специализация на производстве определенных видов ремесленной продукции. В Свате, например, были деревни, в которых вырабатывались шерстяные шарфы, вывозившиеся на рынки Пешавара и соседних областей¹⁴. Значительную роль стали играть разносчики товаров. «В Кафиристане разносчиков,— писал Робертсон,— бывало немного. Они приносили в страну всякого рода мелкий товар... иногда с английскими надписями на них... За этот неважный товар они берут ужасные цены, если принимать в соображение только его настоящую стоимость, но следовало, однако учитывать труд и расходы, сопряженные с длинным и опасным путешествием»¹⁵.

Однако мелкие торговцы, выступая в роли перекупщиков товаров кустарного производства, не могли удовлетворить потребности коренного населения. Очевидец, посетивший Гиндукуш, писал, что во время путешествий они брали с собой индийские сукна, музыкальные инструменты, бинокли, часы, револьверы, патроны, соль, стеклянные бусы, иголки, зеркала и другие товары, которые, судя по обстановке, использовали не только для обмена, но и в качестве подарков. Наибольшее впечатление на население производили суконные платья и соль, в которых, как отмечалось выше, жители особенно нуждались¹⁶.

Купцы очень часто страдали от высоких пошлин на

¹³ Д. Ж. Робертсон, Кафиристан, стр. 220—222.

¹⁴ В. А. Ромодин, Дир и Сват, стр. 114.

¹⁵ Д. Ж. Робертсон, Кафиристан, стр. 220—222.

¹⁶ В. М. Мак-Нэра, Поездка в Кафиристан,— «Сборник материалов по Азии», вып. XXIV, СПб., 1888, стр. 29.

привезенные товары. Пошлины взимали независимо друг от друга все владельцы, через владения которых обычно проезжали купцы. Более того, многие феодалы расплачивались за купленный товар по своему усмотрению. «В Канджуге, например, по установившемуся там обычаю, торговец, прибывший в страну, весь товар первоначально отвозил к Газан-хану, который выбирал для себя все лучшее и платил за взятое по личному усмотрению. Расплата производилась в большинстве случаев рабами и лишь в исключительных случаях золотым порошком, добываемым из имеющихся в Канджуге золотых россыпей»¹⁷. То же самое происходило и в Читрале: Аман ул-мульк «вмешивался в торговлю и налагал произвольные пошлины на проходящие через страну товары. Последние, если было нужно, он получал по собственной оценке»¹⁸.

«В Калаи-Дороше,— подтверждал один из очевидцев,— есть местность, где живет Кукан-бек, брат читральского падишаха Аман ул-мулька. Кукан-бек обложил сбором все товары, провозимые мимо его крепости»¹⁹.

Нельзя также забывать, что купцы весьма часто подвергались нападению разбойников. «В Дире или в Читрале,— подчеркивал очевидец,— купцы обыкновенно останавливаются и только собравшись в значительном числе, иногда до 200 человек, пускаются в дальнейший путь, но и в этих случаях они подвергаются нападениям»²⁰.

Опасные дороги, таможенные препятствия, производимых местных владельцев — все это создавало трудные условия для развития торговли.

* * *

Какая административного устройства и государственного строя в рассматриваемых владениях, следует подчеркнуть, что, как отмечали дореволюционные ис-

¹⁷ [Б. Л. Громбчевский], Отчет о поездке в Кашгар..., стр. 123.

¹⁸ А. Дюранд, Создание границы..., стр. 38.

¹⁹ И. П. Минаев, Дневник путешествий в Индию и Бирму, 1880 и 1885—1886, М., 1956, стр. 143.

²⁰ Там же, стр. 143.

следователи, в большинстве владений управление было построено на феодальной основе. Землей — основным источником существования населения — юридически владели местные правители, хотя фактически она находилась в руках непосредственных производителей. Земледельческое население владело ею на правах наследственной аренды и ежегодно выплачивало правителю определенную часть своего урожая²¹.

Таким образом, земля была сосредоточена в руках представителей господствующего класса. Местные феодалы — ханы, мехтары, ра и другие по своему усмотрению, в зависимости от конкретных условий, распоряжались землей, преследуя в конечном счете лишь одну цель — побольше получить доходов и укрепить свое положение в стране. Приближенные и слуги крупных феодалов в зависимости от их услуг вознаграждались главным образом земельными угодьями (танхо). Значительные земельные участки, причем обычно в более плодородных районах, были сосредоточены в руках мусульманских богословов, которые пользовались большим влиянием.

В Читрале значительные участки находились в руках феодалов (адамзада, арбобзада и др.) на правах наследственного потомственного пожалования. Все они были освобождены от налогов и феодальной повинности. Взамен этого они служили в армии мехтара и обеспечивали во время путешествия его и сопровождавших его лиц продуктами питания²². Вся тяжесть в конечном счете лежала на плечах податного сословия, в частности факир-мискинов, которые составляли основную массу коренного населения страны.

Отсутствие необходимых источников не позволяет полностью осветить вопрос о видах феодальных повинностей, о степени закрепления крестьян за феодалами, об основных формах танхо и т. д. Можно лишь утверждать, что положение крестьян в рассматриваемый период в основном было сходно с положением сельского населения соседних районов, в частности припамирских

---

²¹ П. Е. Панафидин, Очерк современного положения..., стр. 132.

²² Адамзада (адамсадосов), арбобзада (арабобсадосов) считались привилегированными и освобождались от феодальной повинности, как представители господствующего класса,

стран²³. Не вызывает сомнения существование бегара, т. е. трудовой повинности, которую пригиндукушские феодалы налагали на крестьян.

Мехтар Читрала, например, «продавал ежегодно большое количество леса пешаварским купцам, причем деревья рубились и стаскивались к рекам подневольным, никогда не оплачиваемым трудом народа»²⁴. Крестьян часто сгоняли на строительство крепостей и других построек для представителей господствующего класса. Феодалы под видом хашара (трудовой взаимопомощи) часто посылали крестьян на различные, главным образом полевые, работы в свою пользу.

Существовали также многочисленные поборы натурой, размер которых не был строго фиксирован: «Влиятельный человек в какой-либо деревне не несет в лагерь путешествующего правителя (Читрала.— Б. И.) молоко или овцу от собственного хозяйства, но берет их у своего бедного соседа и подносит затем властителю с выражением полной преданности и готовности на всякие жертвы»²⁵. В Читрале не только правитель, но даже его гость всегда снабжались пищей и дровами, и эта обязанность составляла для местного населения часть поземельного налога.

Феодальная рента с обрабатываемых земель взималась в натуральной форме. В соответствии с положением шарната она должна была составлять $\frac{1}{10}$ часть урожая. В действительности же местные правители взимали подати в значительно больших размерах²⁶. Существовали также различные виды денежной ренты. «Пастухи... платили налог деньгами. Практически эта дань не фиксировалась, поэтому из народа выжимали столько, сколько было угодно»²⁷.

Наиболее полное представление о взимании ренты-

---

²³ О положении трудящихся масс в приламирских районах см. например: Б. И. Искандаров, Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России, Душанбе, 1960; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 1, Душанбе, 1953, стр. 42.

²⁴ А. Дюранд. Созидание границы..., стр. 68. В конце XIX в. наблюдался большой спрос на читральский лес в связи с железнодорожным строительством в Северной Индии.

²⁵ Там же, стр. 46—47.

²⁶ «Англо-индийские владения», стр. 21.

²⁷ «Gazetteer of India», vol. X, стр. 304.

налога на примере шинов дает Биддолф. Земельная рента — путкул, которая уплачивалась населением соответственно размеру земли, шла в пользу местного ра. С каждого дома через год уплачивалось по одному барану или козе, такая подать называлась «чанони мари», она могла быть заменена ежегодной денежной податью (в размере 4 шилл.). Особая подать взималась с жителей речных долин за промывку золота. Одновременно население платило в натуре подати с урожая винограда и с производства вина. Налоги взимали и с кустарей, производивших шелковые и хлопчатобумажные изделия. Вот что писал Биддолф по этому поводу: «Шелк производился в каждом доме; с него уплачивалась подать „чужи пуртан“, состоявшая из стольких коконов, сколько чарбу мог взять в руку из кучи, собранной каждым семейством. Кроме того, существовали другие, более архаические виды подати. Например, подать с отдельных населенных пунктов, которая, как правило, состояла из молока и масла по праздникам от одной коровы с каждого дома. Одновременно ра в свою личную пользу брал ежегодно по одному козленку с каждого дома»²⁸.

В районе, расположенном около Кашмира, подати взимались в размерах: со 100 снопов — 25 коп. (в пересчете на русские деньги), с каждой овцы — 5 коп. серебром, с буйвола — 50 коп. и т. д. Подати взимались как натурой, так и деньгами. Всякий купец, прибывавший в страну, вносил пошлину — масул (один сверток холста с каждого вьюка, или 2% со скота, или же что-либо равноценное с других товаров). При убое баранов во время зимнего солнцестояния каждый дом вносил четверть барана. Часть этой подати шла в пользу младших должностных лиц, а часть в пользу ра.

В каждом населенном пункте ра имел специальный земельный участок, который безвозмездно обрабатывали крестьяне. Последние должны были пахать, засеивать и орошать земли ра под наблюдением иерфахов, т. е. специальных чиновников, которые в свою очередь освобождались от феодальных повинностей. «Для уборки и молотбы собиралась вся деревня в назначенные дни»²⁹.

²⁸ Биддолф, Народы, населяющие Гиндукуш, стр. 55.

²⁹ Там же.

В Гилгите в обязанность крестьян входила доставка ежегодно с каждого дома по мере дров и одной мере масла.

Многочисленные представители чиновничьего аппарата при дворе местного правителя освобождались от феодальных повинностей. «Некоторые семейства, — подчеркивал Биддолф, — в Гилгите занимали наследственные должности поваров у ра, за что также были избавлены от всех податей»³⁰.

Как вазир, так и нижестоящие чиновники отдельных населенных пунктов (так называемые тарангфах) имели право в вверенном им населенном пункте освободить по своему усмотрению от одного до трех человек от военной службы в случае войны.

В целом же от феодальных повинностей освобождались прежде всего лица, приближенные к властям. На высокие должности подбирались люди из числа главным образом рано. Так, во главе каждой области стояли вазир, выходцы из этой группы³¹.

Из всего сказанного видно, что участь податного сословия во всех пригиндукушских владениях была тяжелой и беспросветной. В Пригиндукуше вплоть до новейшего периода продолжал существовать институт рабства. Читральский мехтар Аман ул-мульк «продавал своих подданных в рабство и посылал мальчиков и девочек в качестве подарков... соседним правителям»³². Обычай продавать женщин, «знаменитых своей красотой, в Пешавар, Кабул и Бадахшан считался узаконенным источником дохода, а потому в Читрале было много

---

³⁰ Там же, стр. 57.

³¹ Во многих районах, особенно в Читрале, представители различных групп (например, хо, рано и шины) считали себя аристократией и старались выдавать своих дочерей замуж за социально более высокостоящих людей. Так, рано отдавали своих дочерей в жены принцам правящего дома, а сами получали в жены только незаконных дочерей принцев; шины отдавали своих дочерей за рано; ишкуну за шинов; но никогда законнорожденная дочь не выходила замуж за человека из менее привилегированной группы.

Аналогичное явление отмечено и в западных районах Памира, где представители сейидов, акобиров, миров — людей «благородного» происхождения — никогда не выдавали своих дочерей за сыновей податного сословия: факиров, пастухов и прочих представителей трудящихся масс.

³² А. Дюранд, Созидание границы..., стр. 38.

работорговцев»³³. «Мехтар и его сыновья,— подчеркивал очевидец,— смотрели на продажу людей как на естественный источник доходов и потому пользовались каждым удобным случаем, чтобы добыть таким путем деньги. Рыночная цена мужчины была около 65 рублей, красивая молодая женщина стоила 130—170 рублей, мальчик или девочка по цене обыкновенно приравнивались к лошади (от 30 до 55 руб.), старик приравнивался по цене к охотничьей собаке»³⁴.

---

³³ «Северо-индийские владения. Северная пограничная провинция», Ташкент, ТуркВО, 1911, стр. 21.

³⁴ А. Дюранд, Созидание границы..., стр. 46. См. также: К. Риттер, Кабулистан и Кафиристан, СПб., 1887, стр. 630—631.

ОБСТАНОВКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ ИНДИИ И УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ АНГЛИИ В ГИНДУКУШЕ

Английские колонизаторы после завоевания Пенджаба стремились закрепить свое господство в северо-западной части Индии, захватив пригиндукушские владения, которые были самостоятельными. Основным доводом, который выдвинули англичане для оправдания своих действий, было якобы предупреждение угрозы наступления царских войск на Индию. Эта версия распространялась еще в 20-х годах XIX в. Английское правительство утверждало, что присоединение к России Кавказа имело будто бы в качестве конечной цели завоевание Индии. Особенно агрессивно настроенные руссофобы типа Уркварта всячески стремились воздействовать на английское правительство и общественное мнение Англии, указывая на мнимую возможность русского похода в Индию¹.

Следует подчеркнуть, что для Индии со стороны России не существовало никакой угрозы нападения.

По заявлениям самих руководителей английской колониальной политики, к началу XIX в. они твердо укрепили свою власть в Индии. Однако антианглийские настроения в Иране, Афганистане и Средней Азии вызывали их беспокойство. Поэтому они стремились укрепить свое влияние в этих районах, посадить здесь марionеточных правителей, которые проводили бы выгодную английским правящим кругам политику².

Тяжелые потери, которые английские захватчики

¹ Подробнее см.: Н. А. Аристов, *Англо-индийский Кавказ*. СПб., 1900; М. А. Бабаходжаев, *Борьба Афганистана за независимость (1838—1842 гг.)*, М., 1960; Н. А. Халфин, *Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.)*, М., 1959.

² Как отмечает афганский исследователь С. К. Риштия, в первой трети XIX в. «для осуществления далеко идущих английских планов на Среднем Востоке, предусматривавших установление военного и политического контроля над Синдом, Панджабом, Кабулом,

понесли во время развязанной ими первой англо-афганской войны (1838—1842)³, а также опасения за безопасность индийского тыла, где в результате Великого национального восстания 1857—1859 гг. английским правящим кругам был нанесен серьезный урон, заставили Англию в начале второй половины XIX в. временно отказаться от активной наступательной политики в направлении Гиндукуша.

Разгром бухарского и хивинского ханств и превращение их в вассалов русского царизма, а также ликвидация кокандского ханства и включение его владений в состав Российской империи побудили английское правительство вступить с царской Россией в переговоры о разграничении «сфер влияния» на Среднем Востоке. Эти переговоры в значительной степени были продиктованы стремлением английских правящих кругов замаскировать вынашиваемые ими захватнические планы в отношении пригиндукушских владений, Афганистана, Памира и Центральной Азии.

В 70-е годы XIX в. (в связи с переходом английского капитализма в стадию империализма) наступил новый этап агрессивной политики Англии на Востоке, преследовавший цель — дальнейшее расширение границ ее колониальной империи⁴. Важным предлогом, который ак-

Кандагаром и Гератом, англичанам необходимо было иметь в этих областях таких правителей, которые абсолютно во всех отношениях подчинялись бы британскому правительству, совершенно не имели бы своей точки зрения и, являясь орудием в руках английских представителей, пользовались бы только номинальной властью» (С. К. Риштия, Афганистан в XIX в., М., 1958, стр. 142—143).

³ Следует подчеркнуть, что в этой освободительной войне плечом к плечу с афганцами отстаивали независимость страны также и представители других народов, населявших Афганистан. Обращает на себя внимание участие в войне таджикского и узбекского населения. Во время первой англо-афганской войны именно таджики Кухистана первыми подняли восстание против английских оккупантов. Осенью 1840 г., опираясь на узбеков Кундуза и повстанцев-таджиков, боровшихся с английскими агрессорами, эмир Дост-Мухаммед разгромил войска генерала Сэля в Парванской долине.

⁴ Готовясь к новым захватническим войнам, английские колонизаторы, учитывая итоги Великого национального восстания в Индии, провели ряд административных, военных и финансовых реформ в колониальной Индии. Совокупный результат этих реформ должен был укрепить тылы английских захватчиков, позволить им широко использовать человеческие и материальные ресурсы Индии в своих интересах и обеспечить успех их агрессивной политики (подробнее см.: «Новая история Индии», М., 1961, стр. 477—489).

тивно использовался английскими колонизаторами для оправдания их наступательной политики, продолжало оставаться утверждение, что эта политика якобы проводится единственно для отражения «русской угрозы» Индии. Лживость этого утверждения давно уже доказана трудами многих объективных исследователей. Можно, в частности, напомнить, что в ходе англо-русских переговоров 1869—1873 гг. Россия неоднократно предлагала Англии совместно признать и гарантировать независимость Афганистана⁵ и что Англия, которой принятие этого предложения связало бы руки, упорно отказывалась от него. Россия же (по соглашению 1873 г.) признала и Афганистан, и ряд независимых в то время владений по левому берегу Аму-Дарьи (Бадахшан и другие) вне сферы своего влияния.

Конечно, державы, являвшиеся в середине XIX в. политическими и колониальными соперниками Англии (не только Россия, но, например, и Франция), неоднократно устраивали военные и дипломатические демонстрации на дальних подступах к границам Британской Индии, стремясь сделать Англию более уступчивой в разрешении тех международных проблем, которые представляли первостепенный интерес для этих держав. Разумеется, ни царское, ни французское правительства не отказались бы от возможности отторгнуть часть территорий, входивших в английскую зону влияния, но не в этом была основная цель их колониальной политики. Говоря, в частности, об отношении царского правительства к колониальной политике Англии, русский путешественник, писатель и дипломат, Е. П. Ковалевский, хорошо знавший Азию, писал: «Одно из главных наших побуждений должно заключаться в том, чтобы по край-

---

⁵ Яркое представление об отношении общественного мнения России, включая тех его представителей, которые стояли на официальных позициях к Афганистану, дают слова известного историка Ю. Южакова, написанные в 1880 г.: «Мы желаем Афганистану независимого, могущественного и богатого положения. Мы заинтересованы видеть в афганцах дружественный нам народ, а на Кабульском престоле — расположенного к нам государя... мы не можем относиться к Афганистану недоброжелательно; нам не нужно покорять или подчинять его себе; напротив, в наших интересах желать единого и сильного Афганистана» (Ю. Южаков, Абдурахман-хан афганский, СПб., 1881, стр. 3).

ней мере ослабить, если не уничтожить повсюду, преобладающее влияние Англии»⁶.

Останавливаясь на вопросе о возможностях проникновения русского царизма в Индию в период наступления русских войск в глубь Средней Азии и присоединения последней к России, этот же автор указывал, что некоторые военные деятели действительно высказывали предположения о так называемом походе в Индию. Между тем, продолжал автор, «при самом легком соображении нетрудно убедиться, что исполнение его потребовало бы неисчислимых расходов и целых веков, в течение которых новые, ничем не удержимые события могли бы изменить весь ход и все существование среднеазиатских ханств... В то время как мы оставались в бездействии в своих границах... англичане продвигались из Индии к нам на север, завоевали Логар, два раза появились с войсками в Афганистане, угрожали Кундузу, сменяли ханов Герата, а их агенты проникали в Бухару, Хиву, Коканд, откуда проехали даже в Оренбург, изучая таким образом пути из Индии к нашим пределам»⁷.

Известный русский индолог И. П. Минаев писал, что «Россия англичанам страшна не потому, что может в скором времени состояться русский поход в Индию, а потому, что в успешность этого похода верят соседи Индии, верит и поработенное английскими колонизаторами население самой Индии. А эта вера подрывает насаждаемое английскими правящими кругами утверждение о незыблемости их господства, иными словами — подтачивает устой Британской колониальной империи»⁸.

⁶ «Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина», отдел рукописей, архив Е. П. Ковалевского, ф. 356, № 7, л. 37.

⁷ Там же; ЦГВИА, ф. ВУА, оп. I/с. за 1879 г., фонд Ковалевского Е. П., л. 36.

⁸ И. П. Минаев, Очерк Цейлона и Индии, ч. 2, СПб., 1879, стр. 75—76; см. также: И. П. Минаев, Дневники путешествий в Индию и Бирму, 1880 и 1885—1886, М., 1955.

Чтобы убедиться в том, что в английских правящих кругах знали, что никакой реальной угрозы военного нападения Россия на Индию не существовало, достаточно обратиться к парламентским дебатам, которые велись в Англии накануне второй англо-афганской войны. Многие участники этих дебатов откровенно высказывались о причинах наступательной политики Англии на северо-западных гра-

В 70-х годах XIX в. британское правительство стало все более агрессивно действовать по отношению к полусамостоятельным феодальным владениям, расположенным в районах Гиндукуша.

Особое внимание англичане уделяли Кашмиру. Остановимся поэтому на английской политике в отношении Кашмира несколько подробнее.

«Самостоятельное» княжество Джамму и Кашмир возникло 9 марта 1846 г., когда Английская Ост-Индская компания принудила махараджу Пенджаба заключить неравноправный Лахорский договор, согласно статье 12 которого, правительство Пенджаба признало «независимость и суверенность» раджи Гулаб Сингха, являвшегося до того наместником пенджабского правительства в Джамму и Кашмире. Спустя неделю, 16 марта 1846 г., был заключен новый договор, в Амритсаре, на этот раз между Гулаб Сингхом и той же Ост-Индской компанией. Согласно этому договору, английские колониальные власти признали владениями Гулаб Сингха «все горные районы», лежащие восточнее р. Инд, за что Гулаб Сингх выплачивал англичанам 75 лакхов рупий (1 лакх равен 100 тыс.). Англичане по статье 9 Договора обязались оказывать Гулаб Сингху «помощь в защите его территорий». Со своей стороны Гулаб Сингх (по статье 10 Договора) признавал сюзеренитет британского правительства и обязывался в знак своей вассальной зависимости выплачивать Англии ежегодную дань.

Гулаб Сингх выполнял все обязательства, данные англичанам, и вел себя как их верный вассал. В период подавления народного восстания в 1857—1859 гг. он оказал Ост-Индской компании существенную помощь, отправив ей военные подкрепления.

Опыт двух дорогостоящих неудачных войн в Афганистане показал Англии, что завоевание горных районов на северо-западных границах Индии является нелегким делом. Поэтому английские колониальные власти для укрепления своих позиций решили использовать правителя Джамму и Кашмира. Однако в их расчеты

нищах Индии, в основе которой лежало стремление к территориальной экспансии (см.: «Hansard's parliamentary debates. 3-d Series», London, 1876—1877).

не входило чрезмерное усиление этой марионетки. Поэтому англичане начали проводить с конца 70-х годов реформы по управлению Кашмиром, которые были направлены на дальнейшее укрепление их влияния в княжестве.

Управление Кашмиром было сосредоточено в руках совета из пяти человек: это были люди, наиболее расположенные к английскому резиденту. Председателем совета был назначен махараджа. Но в случае, если бы возникли разногласия внутри совета, любой из его членов имел право обращаться к английскому резиденту, который становился, таким образом, верховным судьей в решении внутренних кашмирских дел. Без согласия резидента не могло быть принято никаких решений, касавшихся деятельности совета⁹. Таким образом, совет фактически был игрушкой в руках английских чиновников.

Для осуществления дальнейших планов англичане стали уделять особое внимание созданию боеспособной армии в княжестве Джамму и Кашмир. Регулярных войск здесь фактически не было; армия состояла из ополченцев, которые набирались из местного населения и в случае войны под руководством крупных феодалов являлись в назначенный район в определенное время. Численность такого войска достигала 20 тыс. Но эта армия не удовлетворяла английские власти, так как была мало боеспособной¹⁰.

После 1885 г., преследуя далеко идущие цели, в частности захват пригиндукушских владений, Англия приступила к подготовке и организации боеспособных войск в Кашмире. Взамен старой армии создавалась новая, так называемые войска имперской службы, которые хотя и содержались и вербовались местными князьями, но находились непосредственно под командованием английских офицеров. Чтобы склонить местных

⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1/с. д. 82, л. 39.

¹⁰ Как писал по аналогичному поводу А. Дюранд: «Туземное государство, следуя традициям предков, содержало в то время... совершенно бесполезную армию, которая могла быть только источником опасности в смутное время. Эти войска, помимо малоспособности, могли явиться и источником многочисленных недовольств. Местные князья уже давно признавали, что эти неуклюжие массы были опасны для государств» (А. Д ю р а н д, Созидание границы..., стр. 103).

феодалов на свою сторону и заручиться их поддержкой, англичане стали в больших размерах субсидировать их. Для лучшего использования основных войсковых контингентов этих районов было признано целесообразным непосредственное привлечение их в состав британской армии во главе с английскими офицерами. Несомненно, что это решение было прежде всего вызвано недоверием коренному населению.

Три года спустя, в 1888 г., в связи с осложнением положения в пригиндукушских владениях и дальнейшей активизацией Англии в направлении Памира были созданы войска из местного населения, входившие в состав англо-индийской армии. В это время часть войск, набранная из наиболее преданных англичанам элементов, получила официальное название «войска имперской службы», возглавлявшиеся английскими офицерами. Эти войска должны были охранять основные коммуникационные линии. Фактически же они не только защищали английские коммуникации от нападений коренного населения, но и активно участвовали в закреплении позиций колонизаторов в северо-западной части Индии.

В 1889 г., после посещения вице-королем Индии лордом Лансдауном северо-западной границы, англичане усилили подготовку мероприятий для захвата пограничных районов. Руководствуясь чисто военными соображениями, английские власти создали местную полицию во главе с английскими офицерами.

В 1890 г. генерал Робертс произвел смотр боевой подготовки контингентов северо-западных районов Индии. Однако эти войсковые части произвели на главнокомандующего неблагоприятное впечатление: «...Этот контингент легко мог быть направлен не только против противника, но, вернее, против самой Англии»¹¹.

В этот период подготовка войск в северо-западных районах Британской Индии вытекала из практических задач внешней политики британского правительства. Особенно Англия интересовалась теми районами, границы которых непосредственно примыкали к Памиру. Именно к этому периоду и относятся активные действия имперских войск, которые по заданию англо-индийских

---

¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. II, д. 82, л. 32.

властей настойчиво и планомерно стали наступать на княжества, расположенные на северной и северо-западной границах Кашмира¹². Чтобы скрыть свои агрессивные колонизаторские цели, английские правящие круги выдвинули старую версию о так называемой защите интересов кашмирского махараджи и о возвращении Кашмиру отделившихся княжеств (хотя в действительности княжества эти никогда не были частью владений махараджи). На самом же деле основной целью, преследуемой англо-индийскими властями, было овладение этими независимыми княжествами и окончательное закрепление их за собой.

Сложившаяся к этому времени обстановка во многом облегчала Англии осуществление ее замыслов.

Прежде всего английские колониальные власти приняли меры к тому, чтобы укрепиться в Гилгите. Важность Гилгита помимо прочего заключалась в том, что он служил аванпостом для наступления в глубь других княжеств Гиндукуша. Долина Гилгита, как писал Найт, «служила средством прямого сообщения через территории Кашмира и Читрала, которые представляли как бы промежуточную страну между Россией и Англией». Далее, касаясь стратегического значения Гилгита, Найт отмечал, что «строительство дороги, связывающей Гилгит с Индией, можно будет завершить, если Англия окончательно подчинит себе Читрал. Когда дорога будет проложена вверх по Гилгитской долине, через Ясин в Читрал, англичане будут иметь в своих руках ключ к Гиндукушу и господствовать над нижней Читральской долиной»¹³. К югу от Гилгита огромное значение для англичан имела Бунжи, где была переправа через р. Инд. Далее к югу располагался Абботабад — главный город британского округа Хазара и значительный военный центр. За ним следовала переправа через р. Кабул к г. Наушера. Оттуда начиналась дорога через Малакандский проход¹⁴.

В 1886 г. в пригиндукушский район была направлена специальная военно-разведывательная миссия пол-

¹² М. Грулев, Очерк восстаний пограничных племен Индии за последние 10 лет. СПб., 1900, стр. 48.

¹³ E. Knight, Where Three Empires Meet, стр. 288—290.

¹⁴ Гр. Ностиц, Восстание горцев на северо-западной границе Индии в 1897 г., СПб., 1901, стр. 13.

ковника Локкарта. Она посетила Хунзу, Вахан, Бадакшан, Читрал и другие княжества. Спустя год сюда уже прибыла новая миссия, которую возглавлял А. Дюранд. Члены миссии тщательно изучили весь район, посетив резиденции всех местных правителей. Именно в это время и было принято решение о превращении Гилгита в главную базу английских наступательных операций в Пригиндукушье.

В 1889 г. А. Дюранд стал главой британского политического агентства в Гилгите. Началось строительство военно-стратегической дороги, связавшей Гилгит со столицей Кашмира — Сринагаром. Были приняты меры и к увеличению численности английских войск в Гилгите.

Следует специально отметить, что у английских колониальных властей не было и не могло быть никаких иллюзий относительно того, каким было подлинное отношение жителей пригиндукушских владений к Англии и как они должны были отнестись к английским попыткам оккупировать эти районы. Английские власти учитывали, в частности, опыт второй англо-афганской войны, когда население пригиндукушских владений не только не склонилось перед мощью английской армии, но совместно с афганскими силами участвовало в вооруженном сопротивлении захватчикам.

При назначении А. Дюранда на должность политического агента в Гилгите (в обязанности которого входил непосредственный контроль над горными северо-западными районами) его личный конвой состоял всего из 80 солдат второго пехотного Пенджабского полка и нескольких саперов¹⁵. Вскоре конвой А. Дюранда был доведен до 250 гурков, был усилен размещенный в Гилгите кашмирский гарнизон (до трех полков, по 600 человек в каждом, из числа «войск имперской службы»). Все они были вооружены английскими ружьями. Одновременно с этими тремя полками были присланы 15 английских офицеров в распоряжение агента. Из жителей Пуниала, содействием которых англичанам удалось заручиться, был сформирован отряд милиции из 200 человек.

---

¹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. II, д. 82, л. 43.

Только между 1850—1861 гг. английские власти 13 раз направляли в горные северо-западные районы военные экспедиции, которые, несмотря на значительное превосходство захватчиков в живой силе (не говоря уже о боевой технике), не принесли колонизаторам успехов.

Военные экспедиции имели место и позже, в 70-х и 80-х годах. Однако они тоже были мало успешны, поэтому колонизаторы в течение почти 40 лет зачастую действовали в Пригиндукушье не сами, а руками своей марионетки — махараджи Джамму и Кашмира.

В конце 80-х — начале 90-х годов обстановка изменилась. К этому времени Англия успела создать значительную сеть военных укреплений в Северо-Западной Индии и на западном берегу Инда; было построено несколько важных военно-стратегических дорог, обеспечивавших быструю переброску войск в нужном английском командованию направлении.

В этих условиях английские власти могли рассчитывать на успех своих завоевательных предприятий. Первый удар они нанесли по двум небольшим, но занимавшим важное стратегическое положение княжествам — Канджуту (Хунза) и Нагору.

Владелец Канджута Сафдар Али-хан был враждебно настроен к англичанам и не допускал мысли о подчинении своего княжества даже косвенному британскому господству. Поэтому он противился не только прибытию в свои владения английских представителей, но стремился не допустить укрепления там и кашмирского махараджи. В 1887—1888 гг. произошли даже вооруженные столкновения между отрядами правителя Канджута (которому оказывал помощь тум Нагора) и войсками махараджи.

Английские власти в 1891 г. сформировали для захвата Канджута отряд численностью в 1500 солдат. Командовал отрядом полковник А. Дюранд. Исходной базой для наступления английских войск стал Гилгит.

Сафдар Али-хану было направлено ультимативное требование: построить на территории княжества дорогу, по которой могли бы двигаться английские войска, и не чинить им препятствий при строительстве военных

укреплений. Эти захватнические действия мотивировались необходимостью «загородить дорогу русским, нашим врагам»¹⁶. Сафдар Али категорически отказался подчиниться требованиям Дюранда. Тогда Дюранд обратился к английским властям за официальным разрешением произвести дальнейший нажим на канджутского хана. Разрешение ему было дано. После этого Дюранд начал искать повод для нападения на Канджут. Он направил также письмо читральскому мехтару, в котором просил помощи и поддержки для совместного наступления на Канджут с последующим движением по направлению к Памиру. Однако правитель Читрала уклонился от оказания помощи англичанам, тайно решив помочь Сафдар Али-хану¹⁷. 14 июня 1891 г. Дюранд направил новое письмо Сафдар Али-хану, в котором заявил, что на границе Канджута сконцентрировано 5 тыс. солдат для наступления на княжество. В письме содержалось требование пропустить английские войска через Канджут, позволить постоянное пребывание там английского офицера, а также свободно пропускать через территорию Канджута английскую почту из Гилгита в Кашгар¹⁸.

В этой обстановке Сафдар Али-хан принял решение обратиться за поддержкой к России.

В конце 1891 г. Сафдар Али-хан официально обратился к царским властям в Туркестане с просьбой о помощи. Для этого он направил в Ташкент своих представителей с официальным письмом. Сафдар Али-хан через туркестанских властей пытался направить письмо русскому царю, в котором ходатайствовал о присоединении своих владений к России и принятии русского подданства. «В случае, если англичане, победив меня, займут мои владения, тогда и Вам будет немало хлопот и затруднений, так как Канджут есть ключ к Туркестану»¹⁹, — писал он. Одновременно Сафдар Али-хан извещал о нажиме английских властей и их дальнейшем продвижении в направлении к Памиру.

¹⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. I, д. 113, л. 7.

¹⁷ Зойченко, Памир и Сарыкол (Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения Памирского вопроса), Ташкент, 1903, стр. 50.

¹⁸ Там же, стр. 51.

¹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. I, д. 11, лл. 13, 49.

В письме Сафдар Али-хан также просил совета, как ему поступить в случае наступления английских войск на Канджут. Однако туркестанские власти, избегая дипломатических осложнений с Англией, воздержались от какой-либо помощи владельцу Канджута.

Тем временем развернулось наступление английских войск. 8 ноября 1891 г. к крепости Чальт подошел английский отряд в составе 1500 человек; на следующий день отряд миновал Чальт и остановился у селения Нильт в пределах Канджутского ханства.

Впоследствии, пытаясь оправдать захватнические действия против Хунзы и Нагора, английские колонизаторы писали, что еще в 1889 г. правители княжеств заключили официальное соглашение с полковником Дюрандом в нужный момент допускать в свою страну английских чиновников. В свою очередь последние обеспечивали их определенной субсидией. Однако при появлении в этом районе английских офицеров Сафдар Али-хан не сдержал своего обещания и отказался пропустить через свои владения английскую почту к Юнгхесбенду, находившемуся в это время на Памире. Колонизаторы писали также, что в 1891 г. правитель Нагора убил двух своих братьев якобы за их преданность Англии и написал резкое письмо Дюранду. В Гилгит пришло также сообщение о том, что канджутцы будто бы намерены захватить крепость Чальт. Рассмотрение действительного хода событий позволяет расценить эти писания как попытку колонизаторов оправдать задним числом свою захватническую политику.

Следует подчеркнуть, что Дюранд в целях успешного наступления на Канджут заранее попытался заручиться поддержкой некоторых местных феодалов Гиндукуша. И хотя мехтар Читрала уклонился от выступления против Канджута, в составе войск Дюранда был отряд ополченцев из княжества Пуниал²⁰.

Против хорошо вооруженных английских солдат Сафдар Али-хан выставил 3 тыс. горцев.

Полковник Найт, указывая на труднодоступное расположение Канджута, подчеркивал, что на Хунзу и На-

²⁰ Пуниал, как уже отмечено выше, был расположен между Гилгитом и Ясином; с 1860 г. он номинально признавал власть Кашмира, но фактически всегда считал себя независимым. ЦГВИА, ф. ВУА, оп. I, д. 11, лл. 162—163.

гор можно было напасть только в одном пункте — со стороны южного Гиндукуша, а именно по овражистому руслу р. Канджут²¹. Именно по этой дороге англичане и двинулись на Канджут. У них была совершенно ясная цель — насильственный захват Хунзы и Нагора, окончательное закрепление своего положения в этой части Гиндукуша для дальнейшего расширения господства Англии в направлении Памира.

Бои шли несколько дней. Английские войска, несмотря на большие усилия и огонь горных батарей, на первых порах не достигли каких-либо существенных успехов. Дело в том, что укрепление Нильта, которое они штурмовали, было расположено близ устья глубокого ущелья, начинающегося у ледника Ракипуши и оканчивающегося у берегов Хунзы. Боковые стороны ущелья в некоторых местах были почти отвесными, к тому же достигали большой высоты. 17 дней потребовалось англичанам, чтобы ценой больших потерь сломить у этой крепости сопротивление канджутского населения во главе с Сафдар Али-ханом.

Потерпев поражение, Сафдар Али-хан не пожелал, однако, сдаться англичанам. С отрядом воинов он отступил в Ташкурган.

В поражении Сафдар Али-хана немалую роль сыграли некоторые его приближенные, в критический момент перешедшие ради своего благополучия на сторону противника. Отрицательную роль сыграло и недоверие, которое существовало между правителем Нагора и Сафдар Али-ханом. Необходимо учесть еще одно обстоятельство: местные жители, как это вообще присуще крестьянам, обычно сражались против врагов в пределах своих районов. Многие из них, такие, например, как жители Хунзы, еще накануне столкновения заявили своему хану, что «будут защищать по мере сил и возможностей Нильт и окрестные форты», но не другие места²². К тому же владетель Нагора, Джафар Захидхан, старый больной человек, не хотел воевать с англичанами. Войну с ними вели его сын — энергичный Узрахан и его последователи, находившиеся в тесной связи с тумом Хунзы и его вазиром.

²¹ E. F. Knight, *Where Three Empires Meet...*, стр. 345—346.

²² ЦГВИА, ф. ВУА, оп. I, д. 11, л. 146.

В целом поражение канджутцев не было неожиданным. Русский генеральный консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский в одном из своих донесений сообщал туркестанскому генерал-губернатору: «Едва ли можно сомневаться, что Сафдар Али-хан... имеющий много недовольных среди подданных и врагов извне, будет в состоянии противостоять англичанам...»²³. В 1892 г. после захвата Канджута англичане заняли форт Чилас, господствовавший над канджутским владением, а затем долину Верхнего Инда от Бунджи до Торбели. Таким образом англичане выдвинули свои посты на границы Памира.

После того как Хунза была занята английскими войсками, к Дюранду прибыли родной дядя Сафдар Али-хана — Рахим Али-шах и другие родственники тума, которые до этого проживали в Кашмире. Все они ранее придерживались английской ориентации и вели пропаганду в пользу британских властей. Одновременно начали возвращаться в Канджут и другие феодалы, которые в свое время эмигрировали в пределы Кашгара. Опираясь на эту феодальную группировку, английские власти организовали управление завоеванным районом.

* * *

После Хунзы и Нагора важнейшее значение для Англии среди пригиндукушских владений имел Читрал, через который проходили пути из Бадахшана и Памира в долину Инда. Английский военачальник лорд Робертс писал по этому поводу: «Читрал рассматривается вообще как командный пункт над важной дорогой, ведущей в северную Индию... Читрал командует всеми дорогами, пересекающими горный хребет и идущими из Бадахшана и северо-восточного Афганистана»²⁴. Стратегическое значение Читрала было учтено английскими властями. Еще в 1876 г. они склонили мехтара княжества Аман ул-мулька за ежегодную субсидию признать

---

²³ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 113, л. 20.

²⁴ «Сведения, касающиеся сопредельных стран с Туркестанским военным округом», вып. IX, [б. м.], 1898, стр. 21, 22.

себя вассалом кашмирского махараджи, т. е. по существу английского правительства²⁵.

Проводя свою политику, английские колониальные власти умело использовали в собственных интересах неприязненные отношения (которые Англия сама же создавала и разжигала!) между Читралом и Кабулом, страх Аман ул-мулька, как бы его владение не было занято афганским эмиром Шер Али-ханом.

Аман ул-мульк, будучи весьма ловким политиком, стремился поддерживать дружественные отношения с английскими властями. Он сердечно принимал прибывавших в его владения английских офицеров. Своих двух сыновей он отправил учиться в одно из закрытых учебных заведений, основанных англичанами в Индии. Мехтар, используя английскую субсидию (в частности поставки стрелкового оружия), сформировал полк пехоты, обученный и вооруженный по английскому образцу²⁶. В то же время Аман ул-мульк стремился не допустить по мере своих возможностей, чтобы английское покровительство превратилось в прямое господство. Он с недоверием относился к попыткам Англии установить строгий контроль над внешними связями Читрала.

Поэтому, когда в 1877 г. в Читрал был направлен майор Биддолф, для того чтобы установить в княжестве действенный контроль Англии, его миссия оказалась малоуспешной. Биддолфу не удалось полностью договориться с Аман ул-мульком. Тогда в 1881 г. колониальные власти Индии направили специальное письмо в Лондон, в котором недвусмысленно ставили вопрос о необходимости полной оккупации Читрала и других смежных с ним районов: «Эти участки хотя и труднодоступны, но их приобретение весьма необходимо с точки зрения военно-стратегической и политической»²⁷. Однако английские правящие круги, которые не успели

²⁵ Как писал по этому вопросу Робертсон, в прошлом политический агент в Читрале, «в 1876 г с одобрения правительства Индии (т. е. английских властей. — Б. И.) было достигнуто соглашение между двумя государствами, согласно которому Читрал стал под защиту Кашмира. Кашмир в этом соглашении не получил особой выгоды, за исключением чести быть признанным суверенным мехтара» («Пограничная политика Индии», Ташкент, 1910, стр. 45).

²⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1/с. д. 82, л. 39.

²⁷ Цитирую по книге французского офицера: Септан, Читральская экспедиция, СПб., 1900, стр. 31.

еще оправиться от ущерба, нанесенного их престижу неудачами войны с Афганистаном, сочли военную оккупацию Читрала преждевременной. Было принято решение укрепить английское влияние в пригиндукушских княжествах дипломатическим путем. Поэтому в 1885 г. сюда и была направлена миссия под руководством полковника В. Локкарта, которая должна была осмотреть гиндукушские проходы. В. Локкарт «посетил Аман ул-мулька, находившегося тогда в зените своей силы, и вел прямые переговоры с ним от имени правительства Индии (т. е. Англии.— *Б. Н.*), которые не были бесполезны для мехтара читральского, получившего подарки ружьями и деньгами»²⁸. Правительство Читрала в лице Аман ул-мулька изъявило свое согласие принять английское покровительство, но отнюдь не подданство.

Британское правительство, стремясь захватить Читрал, преследовало далеко идущие цели. Дело в том, что географическое положение Читрала имело большое значение для развития экспансии против Афганистана. Соглашение с Аман ул-мульком давало англичанам возможность следить за многочисленными перевалами, которые были расположены между восточной частью Афганистана и северо-западной границей Кашмира. Поэтому не случайно после 1876 г. Аман ул-мульк по настоянию англичан захватил Гилгит, где был построен английский форт. Одновременно в 1877 г., опять же по совету английских властей, Аман ул-мульк присоединил к своим владениям княжества, расположенные между Читралом и Гилгитом. Таким путем Англия через Читрал пыталась проникнуть в Бадахшан. Стремясь к полному контролю над Афганистаном, британское правительство пыталось делать это чужими руками²⁹. Все это вызывало законное недовольство правительства Афганистана.

В этой обстановке английские власти приняли меры к тому, чтобы нацелить внимание Афганистана на припамирские ханства — Шугнан, Рушан и Вахан. Англия добивалась при этом двух целей: ослабления недовольства Афганистана английской политикой в Читрале и свободы действий в пригиндукушских княжествах.

²⁸ Robertson, Chitral..., стр. 26.

²⁹ Подробнее см.: Н. Халфин, Провал британской агрессии в Афганистане, М., 1959, стр. 86—87.

В 1887 г. в Читрале появился английский политический агент. Прекращенное вскоре после второй англо-афганской войны строительство железных и шоссейных дорог в направлении афганских границ и Памира теперь снова было возобновлено. По настоянию английских военных властей строительство стратегической дороги (на котором ежедневно было занято 700 рабочих) началось и в Читрале. Проектировались и строились укрепления и военные посты. В северные районы перебрасывалось оружие³⁰. Развивая свою агрессию в северо-западном направлении, английские правящие круги в том же 1887 году официально провозгласили присоединение к английским владениям так называемого британского Белуджистана.

Таким образом, захватническая политика в отношении Читрала была лишь частью обширного, тщательно продуманного и настойчиво проводимого в жизнь плана, направленного на расширение границ Британской колониальной империи.

Следует подчеркнуть, что английские колонизаторы в своей политике по отношению к гиндукушским владениям весьма часто меняли тактику: то наступали, то отступали, сообразуя свою политическую линию в этом районе с решением главных стратегических задач.

Для окончательного покорения Читрала Англия ждала удобного повода; последний нашелся в связи с кончиной Аман ул-мулька 30 августа 1892 г., когда 17 его сыновей вступили в борьбу друг с другом за престол. Среди них законными наследниками считались двое. В момент смерти отца старший Низам ул-мульк находился в Ясине, которым управлял по воле отца. Что же касается младшего — Афзал ул-мулька, то он находился в Читрале, поэтому после смерти отца он оказался наиболее сильным претендентом из числа своих братьев. Вступив на престол, он двинулся против Низам ул-мулька в Ясин. Низам ул-мульк бежал в Гилгит. Афзал ул-мульк был признан законным владельцем Читрала английскими властями. Между тем обстановка в самом Читрале была не в пользу Афзал ул-мулька. Его братья, оставшиеся в живых, и многие из его подданных были враждебно настроены к инозем-

³⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. I, д. 113, л. 58.

цам-англичанам. В стране все более возрастало и усиливалось недовольство.

Воспользовавшись этим, Шер-Афзал, брат покойного Аман ул-мулька, ранее изгнанный из Читрала и почти 30 лет проживавший в Бадахшане, вторгся через перевал Дора в пределы Читрала. Шер-Афзал захватил Читрал, убил своего племянника Афзал ул-мулька и провозгласил себя ханом. В этом ему помогли местные жители, в частности некоторые адамзады, враждебно относившиеся к Англии и ее сторонникам.

Приход к власти Шер-Афзала был помехой для английских колонизаторов, поэтому они всеми силами старались от него отделаться. Низам ул-мульк, ранее бежавший в Гилгит к англичанам, теперь оказался наиболее подходящей кандидатурой; английские власти подготовили его вторжение в Читрал для изгнания Шер-Афзала. Причем Низам ул-мульк предварительно дал обещание, что в случае благоприятного исхода дела он обязуется полностью подчиниться Англии. С помощью британского политического агента в Гилгите А. Дюранда Низам ул-мульк собрал более 1200 человек, хорошо вооруженных английским оружием, и двинулся в Читрал. Шер-Афзал вынужден был бежать.

Придя к власти с английской помощью, Низам ул-мульк выполнил обещание и подчинился воле британских властей. Ради укрепления своего положения Низам ул-мульк стал послушным орудием англичан. В начале 1893 г. в Читрал прибыло английское посольство во главе с майором Робертсоном, поручиками Брюсом и Гордоном и капитаном Юнгхесбендом в сопровождении отряда сипаев. Посольство в полном составе оставалось в Читрале до мая того же года, после чего Робертсон с Брюсом вернулись в Гилгит. Следует заметить, что как приезд, так и отъезд английских представителей был отмечен необычайно пышно. В конце сентября, после того как обстановка в Читрале значительно стабилизировалась, остальные члены посольства также покинули Читрал и уехали в Мастудж, расположенный в 104 км к северо-западу от Гилгита. Казалось, вопрос благоприятно разрешался в пользу Англии, однако это было не так.

Обстановка в пригиндукушских владениях была неспокойной. Усилением влияния Англии на Читрал было

недовольно коренное население. Низам ул-мульк не отличался ни умом, ни храбростью. К тому же с первых дней прихода к власти он жестоко расправился со своими противниками и резко увеличил налоги. Такая политика вызвала недовольство населения Читрала. Это обстоятельство умело использовали противники мехтара и англичан.

Чтобы укрепить свое влияние в Читрале и других пригиндукушских владениях, британское правительство сконцентрировало в Гилгите значительные вооруженные силы. Уже в 1892 г. англичане собрали в Гилгите 2800 кашмирских солдат, 5 тыс. сипаев под командой английских офицеров и 31 горное орудие. Войска эти были сконцентрированы не только для оккупации Читрала, но и для окончательного покорения пригиндукушских владений и упрочения положения Англии в них³¹.

В это время противникам Англии с помощью 19-летнего сводного брата мехтара — Амир ул-мулька на соколиной охоте удалось убить Низам ул-мулька. Но как только Амир ул-мульк пришел к власти, он попытался в свою очередь заручиться поддержкой англичан. С этой целью он обратился к английскому офицеру Гордону в Мастудж за помощью. Последний оповестил об этом правительство и отправил Амир ул-мулька 50 сипаев. Вскоре в Читрал прибыл майор Робертсон во главе отряда в 300 человек.

В это время (февраль 1895 г.) в события вмешался правитель небольшого, пограничного с Читралом, княжества Джандол по имени Умрао-хан³². С отрядом ополченцев, насчитывавшим около трех тысяч воинов, он напал на Читрал. Вскоре к нему присоединился Шер-Афзал. По-видимому, последний пользовался поддержкой афганского эмира Абдурахман-хана (1880—1901 гг.), стремившегося не допустить укрепления английских колонизаторов близ афганских границ.

В такой обстановке положение Амир ул-мулька было

---

³¹ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. I, д. 11, л. 100.

³² Умрао-хан стал правителем Джандола в 1881 г., убив своего брата, занимавшего трон этого небольшого княжества. Известно, что Умрао-хан был противником англичан; не исключено, что он участвовал в организации убийства их ставленника — мехтара Низам ул-мулька.

плачевным. Шер-Афзал и Умрао-хан заключили соглашение о совместной борьбе против курса, проводимого Амир ул-мульком, и об изгнании английских войск, расположенных в пределах Читрала³³. Население Читрала, настроенное враждебно к англичанам, поднялось на борьбу против чужеземцев. Робертсон со своим отрядом был блокирован в крепости Читрала. Амир ул-мульк был свергнут.

Умрао-хан и Шер-Афзал направили Робертсону ультиматут, в котором требовали немедленного освобождения читральского форта и вывода английских войск в Мастудж. В свою очередь они обещали за известную субсидию жить в мире с английскими властями. В то же время они просили британское правительство в дальнейшем не посылать своих офицеров в их владения.

Робертсон отказался выполнить эти требования, мотивируя отказ тем, что территория Читрала, как он утверждал, издавна принадлежала Кашмиру. На место свергнутого Амир ул-мулька Робертсон назначил Шуджа ул-мулька. 3 марта 1895 г. произошла схватка между восставшими читральцами и осажденными англичанами, в ходе которой колонизаторы потеряли свыше 20 человек убитыми. Другой английский отряд был окружен повстанцами в горах Мастуджа.

7 марта 1895 г. весть о событиях в Читрале дошла до английских колониальных властей в Индии. Предполагалось, что войска Робертсона с имеющимися в их распоряжении запасами продовольствия смогут продержаться до конца апреля, следовательно, к этому периоду необходимо было любой ценой оказать им помощь. Одновременно Умрао-хану и Шер-Афзалу был предъявлен ультиматум с предложением покинуть Читрал. Населению Свата и Баджаура были посланы прокламации, в которых помимо осуждения действия восставших предлагалось не оказывать сопротивления войскам, направленным в Читрал через их территорию. При этом англичане угрожали, что в случае сопротивления будет применена военная сила. Далее сообщалось, что «британский отряд будет тщательно избегать всяких враждебных действий по отношению к местным жителям.

---

³³ А. Гамильтон, Афганистан, СПб., 1908, стр. 267.

если они со своей стороны воздержатся от нападения или противодействия движению войск»³⁴.

Чтобы подавить восстание в Читрале, английские власти сформировали два карательных отряда: первый во главе с генералом Лоу в составе 15 тыс. человек был сформирован в Пешаваре, второй (около 500 человек) во главе с полковником Келли — в Гилгите. Оба получили самые широкие полномочия на подавление любого сопротивления. Лоу должен был ускоренным маршем поспешить на помощь осажденному гарнизону, зайти с тыла и разгромить основные силы Умрао-хана. Долина Панджкоры, по которой шел Лоу, была узкой, каменистой и труднопроходимой. Лишь к востоку от нее за высокими хребтами были расположены широкие и плодородные долины — Джандол и Баджаур; первая раньше была первоначальной резиденцией Умрао-хана, против которого были направлены основные силы британских войск.

Келли, двигаясь по направлению к Читралу, также сталкивался с большими трудностями. Дело в том, что местность, по которой шел его отряд, была безлюдна, и переход проходил в весьма тяжелых условиях.

Главная база Умрао-хана была сосредоточена в Джандоле, где хранилось его оружие, казна и разные запасы. Поэтому пешаварская колонна должна была захватить этот район и создать Умрао-хану угрозу с тыла. Предполагалось, что последний окажется вынужденным из-за этого снять часть своих войск с осады форта Читрала.

Несмотря на обещание англичан вознаградить местное население за оказание помощи, никто не откликнулся на призыв колонизаторов, а наоборот, многие активно выступили против них. В частности, в районе Шандурского перевала Келли пришлось столкнуться с сильным сопротивлением жителей этого района. В ходе пятичасовой битвы, которая закончилась штыковым боем, с обеих сторон были значительные потери, причем англичане потеряли более 70 человек. Такие же бои происходили в долине Свата.

Только из Хунзы, где с помощью английских войск

---

³⁴ E. Jounghusband, *The Relief of Chitral*, London, 1895, стр. 19.

незадолго до восстания в Читрале пришла к власти проанглийски настроенная феодальная группировка, на помощь колонизаторам был послан воинский отряд, вооруженный английским оружием. Набору и организации этого вспомогательного отряда активно содействовали английские офицеры, находившиеся в Хунзе и Гилгите (Юнгхесбенд и Стюарт)³⁵. Впрочем, даже этот отряд колонизаторы рискнули использовать только для вспомогательных операций по охране горных перевалов и укрепленных пунктов, так как у них были все основания не доверять местным ополченцам. На помощь англичанам пришел также хан Дира.

Вопреки утверждению англичан о слабости читралцев Умрао-хан встретил противников в хорошей боевой готовности. Его кавалерия наносила англичанам большие потери. В районе Свата англичане убедились в прочности построенных Умрао-ханом каменных фортов. К востоку от местности Хокдара лежал форт Рамора — передовой форт Умрао-хана; последний фактически господствовал над всей долиной Свата³⁶, причем все форты были четырехугольные, с солидной башней на каждом углу, с высокими толстыми стенами, снабженными бойницами. Англичанам удалось овладеть ими после значительных потерь.

Положение наступавших английских войск облегчили, однако, раздоры между местными феодалами. Хан Дира оказывал англичанам значительную помощь, жестоко расправляясь с населением, оказавшим им сопротивление. Поэтому после жестоких боев в районе Мианкалы Умрао-хан со своими войсками был вынужден отступить.

В период, когда происходили жаркие бои между Умрао-ханом и английскими войсками, Робертсон по-прежнему находился со своими людьми в осажденной крепости. Начиная с 4 марта читралцы вели непрерывные атаки, чаще всего в ночное время. 13 марта восставшие произвели массовую атаку на левом берегу реки на расстоянии нескольких метров от того места, где гарнизон брал воду. 17 марта читралцы взорвали

---

³⁵ Там же, стр. 143.

³⁶ «Освобождение Читрала», — «Сборник материалов по Азии», вып. XX, СПб., 1896, стр. 116.

одну из башен крепости. Наступил критический момент осады. Тем временем Келли со своими войсками прибыл в Мастудж, куда навстречу ему направились читральцы. Через несколько дней, когда Келли перевалил через Шандурский перевал и занял Мастудж, положение осажденного гарнизона улучшилось. Тем временем Умрао-хан был вынужден отступить.

Воспользовавшись уходом войск Умрао-хана в Афганистан, читральский гарнизон в ночь на 18 апреля сделал вылазку, после чего осада была снята и Шер-Афзал со своими войсками отступил в горы. Здесь позднее он с 1500 бойцами был окружен и сдался в плен англичанам. Шер-Афзал был посажен в тюрьму, а затем вместе с Амир ул-мульком был сослан в Индию.

Читральская экспедиция убедила английских колонизаторов во враждебности к ним народов Пригиндукушья, которые с оружием в руках готовы были защищать свою родину. А горцы в свою очередь убедились в том, что, сохранив единство, они могут победить противника³⁷.

Стойкость горцев в защите своей родины вызывала сильное раздражение английских военачальников. Генерал Лоу приложил много усилий для подавления сопротивления жителей. Он огнем и мечом уничтожал своих противников, сжигал населенные пункты, разрушал крепости.

Читральские события «побудили руководителей английской колониальной политики ускорить намеченные ими наступательные действия в северной части полосы независимых племен, чтобы опередить царизм и захватить важные в стратегическом отношении районы на подступах к Памиру»³⁸.

Многочисленные экспедиции для подавления недовольства жителей Гиндукуша и вообще северо-западных районов Индии неотложно требовали от английских колониальных властей дальнейшего упорядочения тран-

---

³⁷ Там же, стр. 136

³⁸ В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. II, стр. 298.

спортивной части экспедиционной армии. В этом плане исключительно большое значение приобретал вопрос об использовании транспортных кадров и их комплектовании в случае военных действий. Опыт, полученный в начале Читральской экспедиции, показал, что «пехота индобританской армии оказалась весьма слабо подготовленной для ведения военных действий в гористой местности. Для упорядочения этого была опубликована новая инструкция, рассчитанная главным образом для военных действий в горах»³⁹. В Читрале и других стратегически важных пунктах были расквартированы значительные гарнизоны колониальной армии. Обосновывая военную оккупацию района, колонизаторы цинично заявляли, что народы Пригиндукушья находятся еще в «детском состоянии», что они «непостоянны и впечатлительны как дети, и их необходимо заставить уверовать в непоколебимое постоянство и настойчивость той державы, власть которой хочет ими руководить»⁴⁰.

Одновременно английские колониальные власти тщательно укрепляли многочисленные перевалы, идущие в Гиндукуш со стороны Памира⁴¹. Особое внимание было уделено перевалам, шедшим от Малого Памира к Хунзе, а затем к Гилгиту; от Сархад Вахана и Бозон-Гумбеза к долине Ишкумана и Ясина и далее по направлению к Гилгиту; затем от долины Пянджа в долину Ярхуна, далее на Читрал и от Ишкашима и Зебака к западной части Читрала⁴².

* * *

Завоевание Читрала, Канджута и других более мелких владений Пригиндукушья в значительной мере укрепило позиции Англии в этом важном горном райо-

³⁹ «Сведения, касающиеся сопредельных с Туркестанским военным округом стран», вып. VII, [б. м.], октябрь 1898 г., стр. 8.

⁴⁰ «Освобождение Читрала», стр. 155.

⁴¹ В Кала-дрош, недалеко от Читрала, были расквартированы два полка с артиллерией и ротой саперов. В самом Читрале разместили бригаду из двух полков, одну конную батарею и роту саперов. Один батальон был назначен охранять мост через р. Сват. Военские части колониальной армии имелись и в других важных пунктах этого района.

⁴² «Военный обзор Северо-Западной Индии», вып. 1, СПб., 1906, стр. 3.

не на стыке границ Индии, Афганистана, Китая и Средней Азии.

Вместе с тем установление здесь английской власти серьезно ухудшило положение местного населения, разоренного войной и карательными экспедициями войск колонизаторов. Колониальные власти преднамеренно сохраняли во вновь завоеванных районах феодальные порядки, превратив местных крупных феодалов в свою социальную опору. Однако реальной власти правители некогда самостоятельных или полусамостоятельных княжеств были лишены. Эта власть перешла к английскому политическому агенту в Гилгите или к английскому резиденту при дворе кашмирского махараджи.

Народы, населявшие районы между Памиром и Кашмиром, были обложены данью в пользу своих «покровителей». Население было обременено также весьма тяжелой транспортной (по перевозке колониальных чиновников и их грузов) и трудовой повинностями. Ежегодно тысячи людей обязаны были являться на строительство укрепленных пунктов, дорог, мостов; как правило, они не получали никакого вознаграждения за свой труд. Трудности пути из Гилгита и Кашмира в Читрал заставили англичан создать прямое сообщение из Пешавара. С этой целью генерал Лоу приказал построить хорошую дорогу вдоль долины р. Панджкору, которая проходила через территорию Свата и Дира. При проведении этой дороги местные феодалы и английские подрядчики заработали немало денег.

Значительные доходы извлекали местные феодалы и за счет различных субсидий, которые им выплачивали колониальные власти (например, за охрану дорог и горных проходов).

Стремясь покрепче привязать местную верхушку к себе и показать ей свое могущество, английские колониальные власти нередко приглашали своих ставленников посетить Индию, чтобы во всем блеске показать гиндукушским владельцам свое могущество. Так, в 1897 г. правительство Индии уговаривало молодого читральского мехтара совершить путешествие по Индии, «с целью поразить воображение... недоросля блеском больших городов Индии»⁴³. Позднее, в 1900 г., читраль-

---

⁴³ «Освобождение Читрала», стр. 155

ский мехтар посетил Калькутту, в 1903 г.— Дели и Кашмир, в 1904 г.— Пешавар. Затем, по примеру правителя Читрала, Индию стали посещать и владельцы других княжеств⁴⁴. Политика колонизаторов по превращению феодальных князьков Пригиндукушья в орудие своей власти оказалась успешной.

Мехтар Шуджа ул-мульк, младший сын Аман ул-мулька, правитель Читрала, все годы, пока он занимал трон княжества, послушно выполнял роль агента английских империалистов. С помощью английских офицеров он сформировал собственную армию, состоявшую из 5 тыс. бойцов, преимущественно адамзадов. Эта армия играла вспомогательную роль при размещенном в Читрале английском гарнизоне. Мехтар строго следил за спокойствием и порядком на своей территории, таким порядком, который был угоден колониальным властям. Административная и полицейская системы княжества были модернизированы. Вместе с тем основы феодально-крепостнических порядков, существовавшие в средние века, остались в неприкосновенности. Территория Большого Читрала составляла удел (или домен) главы княжества, доход с которого шел на содержание мехтара. Затем наиболее крупные населенные пункты Мурико и Тиращ составляли удел старшего сына мехтара Афзал ул-мулька, наместник которого сидел в Калан-дрош. Третий удел включал долину Турко, Ярхун и Ластур и находился в подчинении дяди мехтара Бахадур-хана, который жил в Мастудже. Четвертый удел с долиной Виршигума, Гизари, Ишкумана и Ясна достигал границы с Пуниалом. Во главе этого удела стоял Абдурраим, сын бывшего ясинского мехтара Пахлаван Бахадура. Все они были владельцами своих уделов, но подчинялись мехтару Читрала⁴⁵.

При дворе читральского мехтара существовал специальный штат вазиров, нечто вроде советников, причем отдельные из них вообще не несли никаких функций. Лишь двое имели определенную должность: диван-беги, соответствовавший министру финансов, и аталык, непосредственно исполнявший распоряжения мехтара и диван-беги. Все эти чиновники фактически подчинялись

⁴⁴ «Военный обзор Северо-Западной Индии», вып. 9, стр. 68.

⁴⁵ А. Е. Снесарев, *Северо-индийский театр...*, ч. I, стр. 123

политическому агенту и начальнику английского гарнизона, без согласия которых ни один чиновник не мог быть назначен мехтаром на его пост. Прежняя форма правления — система дарбаров, посредством которых мехтары управляли страной, — теперь была ликвидирована. Как выразился английский чиновник Юнгхесбэнд, «дарбар хотя и был простым и оригинальным, тем не менее ему суждено было немедленно исчезнуть при ближайшем соприкосновении с британской правительственной системой»⁴⁶. Таким образом, как только англичане прибрали к рукам Читрал, они ликвидировали неудобные им органы, которые трудно было контролировать.

Значительно укрепились в этот период позиции англичан и в Канджуте. Канджут фактически перестал существовать как самостоятельное владение. По распоряжению английских колониальных властей правителем здесь стал Мухаммед Назим-хан, брат Сафдар Али-хана, с которым он вечно враждовал. Его назначение англичане обставили с особой пышностью. В присутствии канджутцев А. Дюранд надел на него халат с золотой обшивкой, саблю и подарил ему митральезу⁴⁷. Все это происходило в торжественной обстановке и было сделано с целью показать соседним владениям и канджутцам якобы уважение английских чиновников к местным князьям.

Новый канджутский хан Мухаммед Назим, будучи ставленником англичан, действовал в их пользу. Он жестоко эксплуатировал свой народ. Трудящиеся массы Канджута служили для него лишь источником умножения личного богатства.

Захват Канджута принес Англии большую выгоду. Она овладела, во-первых, пунктом непосредственного соприкосновения с Кашгаром; во-вторых, всеми перевалами и тропинками, идущими к Памиру. Наконец, через Канджут она нашла новый кратчайший путь в северо-восточные районы афганских владений в Туркестане. Подчинив своему влиянию Канджут, английские власти оставили свои войска на территории этого ханства⁴⁸.

---

⁴⁶ E. Younghusband, *The Relief of Chitral*, стр. 142.

⁴⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. I, д. 116, л. 190.

⁴⁸ А. Е. Снесарев, *Северо-индийский театр...*, ч. I, стр. 133.

Чтобы не допустить в случае нового конфликта возможности объединения сил местных князей, англичане часто применяли свою старую, традиционную политику натравливания одних против других, подкупая местных феодалов и укрепляя таким способом свое положение в занимаемых районах.

* * *

Теперь следует кратко остановиться на характеристике англо-афганских отношений в конце XIX в.⁴⁹ Сделать это необходимо хотя бы по той причине, что укрепление английской власти в гиндукушских княжествах означало одновременное ослабление или даже полное устранение влияния афганского эмира на многочисленные владения Пригиндукушья.

Англия стремилась поставить под полный контроль афганское государство, превратить его территорию в плацдарм дальнейшей агрессии в направлении Средней Азии и Ирана, исключив одновременно всякое вмешательство афганских властей в дела пригиндукушских княжеств, а также обширной территории пуштунских племен на западном берегу Инда. Чтобы добиться этих целей, английские колонизаторы пытались оправдать свою политику заботами «об укреплении северо-западной границы Афганистана, о вооружении и усилении афганских войск, о защите Афганистана...»⁵⁰. Следует заметить, что английским властям не удалось ввести в заблуждение ни афганский народ, ни правительство Афганистана. Не помогла даже значительная субсидия, которую Англия выплачивала Афганистану. «Афганцы берут эти деньги, но стараются со своей стороны дать в обмен как можно меньше, как можно теснее ограничить круг деятельности англичан и вторжение их во внутреннюю жизнь страны»⁵¹.

Эмир Абдурахман-хан с первого дня своего прихода к власти был убежден в том, что основная опасность

---

⁴⁹ Подробное исследование проблемы англо-афганских отношений в XIX в. см. в кн.: В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. II, М., 1965.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. II, д. 86, л. 12.

⁵¹ Там же. Только за время с августа 1880 г. по июль 1881 г., т. е. за один год, Англия выплатила эмиру Абдурахману 3615 тыс. рупий.

для территориальной целостности его владений грозит ему с юга, со стороны британских владений. Не располагая, однако, необходимыми силами для прямого противодействия Англии, эмир вел сложную дипломатическую игру, стремясь, в частности, извлечь для себя как можно больше пользы из межимпериалистических противоречий на Востоке. «С русскими Абдурахман-хан желал бы жить в мире, так как чем дружнее он находился с нами, тем больше ухаживали за ним англичане»⁵².

Английская экспансия в горных районах, расположенных между Афганистаном и Кашмиром, вызвала беспокорство в Кабуле. Эмир Абдурахман не желал присутствия английских войск на этой важной в стратегическом отношении территории. Афганские правящие круги были недовольны также тем, что пригиндукушские княжества, население которых находилось (как отмечают русские архивные материалы) «в экономической и духовной связи с Афганистаном», оказались отрезанными английскими кордонами от афганских территорий. В результате с конца 80-х годов в англо-афганских отношениях (которые никогда не отличались особенной теплотой) наступает новое заметное охлаждение.

Когда в сентябре 1891 г. через Хаджакский тоннель по линии железной дороги прошел к афганской границе первый поезд, Абдурахман-хан отдал строжайший приказ, согласно которому его подданные не могли пользоваться ни тоннелем, ни новой станцией, ни железной дорогой. Афганские товары по-прежнему продолжали ввозиться на верблюдах через старый проход. Более того, предчувствуя новый маневр Англии в ущерб интересам Афганистана, Абдурахман-хан стал всячески избегать официальных встреч с англичанами. Он дважды отказался принять британских представителей: миссию во главе с полковником Дюрандом в 1888 г. и генералом Робертсом в 1892 г. Лишь после долгих дипломатических переговоров, в ходе которых Англия фактически пригрозила Абдурахман-хану новой войной, придвинув свои войска к границам Афганистана, в 1893 г. посольство Мортимера Дюранда было принято

---

⁵² ЦГВИА, ф. ВУА, оп. II, д. 41, л. 21.

эмиром. Договор Дюранда с эмиром Абдурахман-ханом, подписанный 12 ноября 1893 г. (о так называемой «линии Дюранда»), обязал эмира отказаться от сюзеренитета над полосой пуштунских племен и признать власть Англии над Сватом, Диром, Баджауром, Читралом и княжествами между Читралом и Кашмиром. Взамен Афганистан не получил ничего, кроме прибавки к получаемой им ежегодной субсидии — с 600 тыс. до 1200 тыс. рупий.

Так называемая научная граница, или «линия Дюранда», брала свое начало в северной стороне района Гиндукуша у Кликского прохода, идущего из Канджута в Тахдумбаш на Памире. От этого прохода линия тянулась на запад по Гиндукушу до перевала Дора. Отсюда она шла на юг и направлялась к р. Кунар, по водоразделу двух притоков той же реки, переходя на левый берег Кунара близ Беркота. С этого пункта граница принимала юго-западное направление и шла по водоразделу между бассейнами рек Кунара и Панджкору до р. Кабул, которую пересекала несколько восточнее Лалпура. Затем пограничная линия направлялась на запад по гребню Сафед-Кух, служащему водоразделом между реками Кабулом и Курамом⁵³.

При проведении «линии Дюранда» англичане не принимали во внимание ни природных условий, ни особенностей поверхности, за исключением разве немногих водоразделов, гребней и других крупных форм рельефа. В некоторых местах пограничная линия прошла таким образом, что одна часть племени очутилась в Афганистане, а другая в Северо-Западной пограничной провинции Индии.

Согласно англо-афганскому договору 1893 г., Кафиристан оставался вне сферы влияния Англии и был включен в состав владений Абдурахман-хана. Однако, заключив такого рода соглашение, английские власти в то же время не намерены были отказываться от Башголской долины, по которой шла дорога из Бадахшана через проход Мандал, к Асмару, затем по долине Кунара к Джалалабаду. В 1893 г., когда англичане еще окончательно не завладели Читралом, независимый Кафиристан надежным образом прикрывал Читрал и

---

⁵³ «Военный обзор Северо-Западной Индии», вып. 1, стр. 6.

часть Гиндукуша со стороны прохода Дора. Поэтому Англия, согласившись на включение Кафиристана в состав владений эмира Абдуррахмана, не отказалась от того, чтобы самой укрепиться в этом районе. Однако ход событий, последовавших за заключением договора 1893 г. (прежде всего начавшиеся волнения в полосе независимых племен), заставил колонизаторов пойти на то, чтобы Кафиристан отошел к Афганистану.

Зимой 1895 г. в Кафиристан было направлено несколько афганских воинских отрядов под общим командованием сипахсалара Гулам Хайдар-хана Чархи. Жители Кафиристана оказали сопротивление войскам эмира, и покорение края затянулось до августа 1896 г. При этом было разрушено большое число укрепленных селений, сожжены языческие храмы. Местное население массами обращали в ислам присланные из Кабула муллы и улема. 120 юношей знатных родов были отправлены в Кабул. Кафиристан («Страна неверных») был переименован в Нуристан («Страну света»)⁵⁴.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 113, л. 57. Подробнее см.: Г. Е. Грум-Гржимайло, Завоевание Кафиристана, — «Новый Восток», № 8—9, М., 1925. Здесь же в переводе на русский язык приведен текст поэмы джалалабадского поэта Аге Мирзы Шер Ахмада «Фатехнамай-и Кафиристан» («Покорение страны неверных»)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К концу 90-х годов XIX в. завоевание Англией горных пригиндукушских княжеств было закончено. Последней территорией, которая была оккупирована английскими войсками в этом стратегически важном районе, была долина Раскемдарьи (официально присоединенная к владениям махараджи Кашмира). Однако положение англичан во вновь захваченных районах было далеко не спокойным. С каждым днем они убеждались в неприязни местного населения, которое не принимало английского господства. К тому же местные феодалы, пользуясь покровительством английских властей, начали более жестко, чем до английского завоевания, эксплуатировать зависимое от них население, увеличив бремя лежавших на нем повинностей и поборов. Добавочным гнетом для местных земледельцев и скотоводов стали налоги, введенные колонизаторами. Специально изучавший аналогичные проблемы советский исследователь указывал в связи с этим: «Англичанам в большинстве случаев приходилось, так же как и их предшественникам, собирать дани, выжимать причитающиеся им налоги с помощью вооруженной силы, ибо крестьяне не только не хотели, но и не всегда могли выплачивать налагаемые на них суммы. На почве собирания дани до англичан и собирания поземельного налога при англичанах постоянно вспыхивали восстания начисто ограбленных, доведенных до ужасающей нищеты и голода племен»¹. О грубости и жестокости, допускавшихся при взимании налогов, писала даже официальная печать, которая подчеркивала, что нередко «име-

---

¹ И. М а з д у р, Аграрный вопрос и крестьянское движение на северо-западе Индии, М., 1933, стр. 36.

ли место злоупотребления и несправедливость чиновников»².

Невыносимое угнетение толкало население на восстания. Важно отметить, что угнетенные массы боролись не только против английских империалистов, но и их пособников — местных феодалов. В 1897—1898 гг. в пригиндукушских районах неоднократно происходили волнения³, нередко принимавшие форму вооруженных выступлений против власти Англии и ее ставленников. Руководили этими выступлениями обычно местные факеры и муллы из небольших селений.

Завоевание пригиндукушских районов потребовало огромных средств. По официальным данным, только в 1878—1891 гг. английские власти израсходовали на «освоение» этих территорий (не считая расходов на ведение второй англо-афганской войны) свыше 250 млн. рупий. Завоевание Хунзы, Нагора и Читрала потребовало новых значительных ассигнований. Эти огромные расходы покрывались главным образом за счет налогов, взимаемых Англией с населения порабощенной Индии.

Политика Англии в пригиндукушских районах неминуемо должна была принести иные плоды, чем рассчитывали колонизаторы. Ее конечным результатом стало не укрепление власти Англии на северо-западных границах Индийского субконтинента, а дальнейшее углубление ненависти к чужеземным поработителям и развитие освободительного движения.

---

² «Gazetteer of India», vol. XII, стр. 242.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. II, д. 109, л. 88.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Географический очерк и народонаселение края	6
Исторический очерк	19
Социально-экономические отношения	45
Обстановка в северо-западных районах Индии и укрепление позиций Англии в Гиндукуше	60
Заключение	91